

Наиль Муратов

Настоящая любовь в Лиссабоне

Каким ветром занесло меня в Лиссабон?

Допотопный желтый трамвай карабкается вверх по узким улочкам Алфамы, с трудом протискиваясь меж ветхими домишками. На вершине холма крепость, откуда открывается вид на город, к ней-то я и направляюсь. День на осмотр городских достопримечательностей – нормальная история, если прилетишь утром, а улетаешь ночью.

Вагон останавливается у смотровой площадки с видом на Лиссабон, к которой и направляется большая часть пассажиров, но мне в другую сторону. По замощенному брусчаткой кривому переулку поднимаюсь к крепостной стене. На каменной кладке рекламные объявления на португальском и английском, среди них затерялось одно на русском. На скромном плакате фото молодой женщины, под ним две строчки:

Не знаете, что такое настоящая любовь?

Приходите к нам, и вы не почувствуете себя разочарованным!

Ниже номер телефона.

Если бы не фото, можно было бы улыбнуться и пройти мимо. Но точно такое, заключенное в резную рамочку, появилось на письменном столе Вадима – друга и начальника в одном лице – после его возвращения из отпуска в прошлом году. Неделю отжигал в Испании, а вернулся мрачнее тучи. И ни слова о своих приключениях! Похоже, здорово его там зацепило. Теперь понятно почему. Но как можно в здравом уме

угодить в столь примитивную западню? Настоящая любовь по объявлению, ха-ха-ха!

Как вы уже поняли, я не слишком-то верю в любовь. Увлечения – почему бы и нет? Но потерять из-за женщины голову?! Нет, это определенно не для меня.

Раньше я наивно полагал, что и Вадим, успевший после окончания университета вступить в брак с сокурсницей, а спустя год благополучно с ней расстаться, мыслит так же. Оказалось, ошибался. Но как неизвестной авантюристке удалось подцепить его на крючок?

Желание докопаться до истины было настолько сильным, что я невольно достал мобильник. Но кому звонить? Вадиму? И что сказать? Что разгадал его секрет? Так можно лишиться друга, а заодно и работы. Что ни говори, а главная движущая сила в нашей фирме – Вадим, ссориться с ним не лучшая идея.

Поэтому позвонил я не ему, а по указанному на плакате номеру. Берегись, незнакомая авантюристка, я выведу тебя на чистую воду!

Трубку она взяла сразу, будто ждала моего звонка. Молчание, но я слышал ее дыхание. И еще гортанный птичий крик, который ни с чем не спутаешь: так отчаянно и самозабвенно переругиваются между собой зеленые попугаи.

– Я звоню по объявлению! Это не розыгрыш?

– Нет, – отвечает она.

Ее голос – настороженный, невыразительный – плохо вяжется с образом неотразимой женщины.

– Надеюсь, речь не идет о...

Закончить предложение я не успел, она прекрасно меня поняла.

– У нас все серьезно, мы не занимаемся интимными услугами! Но если вам нужна *действительно* настоящая любовь, то вы получите что хотите.

Она сказала «мы». Я начал кое-что понимать.

– Так вы... администратор?

– А как вы думали? – ядовито поинтересовалась она.

Сказать, что эта женщина заинтересована в работе, было бы явным преувеличением! Но она быстро взяла себя в руки и деловито пояснила:

– Наш метод основан в первую очередь на желании самого клиента. Мы ему только помогаем. Вы действительно хотите испытать настоящую любовь?

– Если она существует, – с усмешкой отозвался я. – Только в это слабо верится.

– Не сомневайтесь, настоящая любовь существует! – уверенно сказала она. – И мы это докажем! Если, конечно, вы решитесь. Но должна сразу предупредить: сеанс будет единственным и обойдется вам в тысячу евро.

– Неслабо! – возмутился я. – По-моему, это просто грабеж!

Она дерзко рассмеялась, потом снисходительно заметила:

– Но вы же не думаете, что *настоящая* любовь стоит дешевле?

На такой аргумент невозможно подобрать достойный ответ. К тому же она не оставила мне времени на раздумья, сообщив, что если результат не будет достигнут, то фирма возвращает всю сумму целиком.

– Ну вы рискуете! – рассмеялся я. – Даже если эта афера вам удастся, что мешает мне соврать и получить денежки обратно?

– Вижу, вы меня не обманули! – парировала она. – Вы действительно не знаете, что такое настоящая любовь.

В общем, дама отлично знала свое дело, последнее слово осталось за ней. Но и я не проиграл, поскольку не собирался поддаваться на уловки мошенниц, собравшихся обогатиться за мой счет. Как бы ни старались, меня им не сломать.

– Ладно, наличные принимаете? – спросил я. – И где вас искать?

Оказалось, что идти недалеко. Спускаясь вниз по боковой улице, резко свернувшей вправо, я уткнулся в угловой двор, за забором которого росло лимонное дерево. От прочих лимонных деревьев оно отличалось тем, что на одной из его веток зрели не бледно-желтые лимоны, а ярко-оранжевые апельсины. Молодая женщина, открывшая калитку, судя по голосу, являлась той самой особой, что отвечала на мои вопросы. Особой радости при виде очередного клиента она не выказала и первым делом пересчитала деньги. Затем последовала скучная церемония, напоминавшая инструктаж по технике безопасности на режимном объекте. Завершилась она подписанием договора, после чего

я уже не имел права ни прикасаться, ни угрожать, ни даже просто повышать голос на женщину, которой суждено было со мной работать. Кроме того, запрещалось делать грязные намеки, распивать крепкие напитки и принимать наркотики перед сеансом.

По окончании этой бюрократической процедуры администратор предложила мне расположиться за столиком под лимонно-апельсиновым деревом.

– Ольга вскоре к вам выйдет! – важно сообщила она, направляясь к дому.

– Ольга – это та дама, что на плакате? – крикнул я ей вслед.

– Нет, ее бабушка!

Вернулась она с подносом, на котором с трудом разместились блюдо с тартинками, кофейник, сахарница и две крохотные чашки на несоразмерно больших блюдах.

– Вообще-то, я не заказывал! – сердечно заметил я.

– Успокойтесь, за это мы денег не берем, – в тон мне ответила она и присела напротив, закинув ногу на ногу.

Некоторое время мы тоскливо разглядывали друг друга, прихлебывая кофе, оказавшийся отменным. В какой-то момент, когда я начал вообще сомневаться в существовании Ольги, она загадочным образом возникла рядом со мной.

Заметив, что я от неожиданности вздрогнул, Ольга рассмеялась, и ее чуть хриловатый альт гармонично слился с воплем далекого попугая.

– Неужели мой вид способен так напугать?

Музыкальность ее голоса завораживала, хотя сама Ольга на первый взгляд показалась мне невзрачной. Правда, для того чтобы ярче выразить привлекательность, она не сделала ровным счетом ничего. Облегающее платье, простое, отнюдь не от-кутюр, и никакой косметики, за исключением помады карминного оттенка. Хотя в платье, возможно, и заключался подвох – оно почти с математической точностью отображало идеальные линии нижней части ее тела. О верхней судить было непросто, поскольку на плечи Ольга набросила нечто вроде шали, совершенно неуместной в эту пору года.

– Перестаньте так откровенно меня рассматривать! – протест в ее голосе, перетертый с насмешкой, казался искренним лишь наполовину.

– За что же тогда уплачены деньги? – со смешком поинтересовался я.

– Вам их вернут, если вы собираетесь оставаться таким же буйкой! – укоризненно произнесла она. – Не нужно прикидываться жертвой, вас ведь не ограбили в темном переулке. Я не мошенница, и уж тем более не злодейка. И моя компаньонка тоже.

Компаньонка хмуро взглянула в мою сторону, выразив полное согласие с Ольгой. В глазах обеих дам я выглядел не лучшим образом, но, честно говоря, мне было глубоко на это плевать. Очарование Ольги, если только оно существовало на самом деле, никак на меня не действовало.

– Ладно, если настаиваете, могу постоянно улыбаться.

– Тогда вы здорово упадете в моих глазах! – доверительно сообщила Ольга. – Постоянно улыбаются только клинические идиоты. Расслабьтесь и будьте просто самим собой!

– Вы требуете невозможного. Расслабиться настолько, чтобы быть самим собой, можно только во сне.

– Тогда представьте, что вы спите, – рассмеялась она. – Надеюсь, вы не страдаете от бессонницы?

– Я вообще ни от чего не страдаю. Со мной все в порядке.

– Думаю, вы просто не все о себе знаете!

– А вы? Вы себя знаете?

– В какой-то степени. Хотя порой бываю для себя головоломкой.

– Не понимаете собственных мотивов?

– Зато чужие разгадываю хорошо.

– Тогда разгадайте, какой же мотив у меня?

– В первую очередь любопытство.

Любопытство? А что еще она могла сказать? И разве все остальные приходили сюда не по этой же причине? Или в мире так много глупцов, верящих в настоящую любовь?! И тут меня укололо: мой друг – отнюдь не глупец! – купился на зов этой сирены.

– Я угадала? – спросила она.

– Да, – признался я, – но только отчасти. Это не простое любопытство. Мой интерес вполне конкретен.

– Но любовь в сферу ваших интересов не входит, не так ли?

– Почему же, входит, но больше как философская категория.

– Абстрактно-размытая любовь? – рассмеялась Ольга. – Надеюсь, вы не настолько инфантильны, чтобы искать романтику именно в ней.

– Я вообще не романтик.

– Представьте, и я тоже. Возможно, это единственное, что может нас сблизить.

– С романтиками проблем больше? Почему?

– Да потому, что они уже приходят влюбленными. И это ужасно!

– Но их влюбленность только облегчает вашу задачу.

– Напротив, усложняет. Что легко достается, не может быть ценным. А настоящая любовь – это даже не ценность, она вообще бесценна.

– Вы и вправду в это верите?

– Конечно нет, просто по своей природе я патологическая лгунья! – не скрывая иронии, ответила Ольга.

– Но тогда и это утверждение ложно, – заметил я.

– А вы хороший логик. Но любовь, увы, не произрастает из логики. Ей нужна другая почва.

– Какая же?

– Симпатия. Откровенность.

– Так вы со мною откровенны?

– Да, потому что иначе у нас ничего не получится. Вам же не нужна видимость настоящей любви, правда? Это была бы фальшивка, а ее невозможно продать.

Не думаю, что в словах Ольги присутствовала хоть капелька ею же анонсированной лжи. До известной поры абсолютная откровенность может маскировать мошенничество, но в какой-то момент мошенничество все равно проявится. Этого требуют правила игры. Кто-то выигрывает, кто-то проигрывает.

– Продать настоящую любовь – хорошее словосочетание! – заметил я.

– Парадокс, правда? – улыбнулась она. – Но только на первый взгляд. Ну как, мне удалось пробудить ваш интерес?

– Я был заинтригован уже тогда, когда я увидел ваше фото на плакате.

– Заинтригованы? Приятно слышать, именно этого я и добивалась.

– Боюсь, вы заинтриговали меня в каком-то другом смысле. Не в самом позитивном.

– Я вам не понравилась? Сочли меня излишне самонадеянной?

– Нисколько.

– Что же вас тогда смутило?

– Исходная дефиниция. Настоящая любовь? Неизвестно, какой смысл вы вкладываете в это понятие. Звучит красиво, но выглядит расплывчато.

– Возможно, вы правы. Но я не справочное пособие и не толковый словарь. Формулировать определения – не моя задача.

– Тогда у нас проблема. Согласитесь, сложно достигнуть цели, если она изначально неясна.

– Поверьте, проблема разрешится сама собой в ходе нашего общения, я вам обещаю. Но вы ведь считаете меня шулером, да?

– Я этого не исключаю.

– О, вы не ошиблись! Скажу вам честно, у меня в рукаве козырной туз! – рассмеялась Ольга.

Веселье ее мне не передалось, о судьбе Вадима я не забывал ни на минуту. Что привело его к Ольге? Любознательность? Или он и вправду хотел встряхнуться и полюбить по-настоящему? Первый-то опыт был неудачным.

– Ваше платье без рукавов, так что туз спрятан в другом месте, – возразил я.

– Или его вообще не существует, – парировала она. – Попробуйте взглянуть на наш договор другими глазами.

– У меня нет других глаз.

– Мне кажется, что даже те, что есть, ничего не хотят видеть.

– Не сомневайтесь, зрение у меня нормальное.

– О, не только зрение. Вы вообще – сама нормальность.

– А вы?

– Лишь в малой степени. В этом-то и интрига.

– Интрига?

– Сумеет ли ненормальность взять верх над нормальностью.

– Ставлю на нормальность.

– Я бы тоже поставила, но в этом случае мы оба проиграем.

А мне не нравится проигрывать.

– Думаете, мне нравится?

– Вы не проиграете, если я выиграю. И это вовсе не парадокс, потому что выигрыш и проигрыш – понятия относительные. Или вы думаете иначе?

– В контракте не оговорено, как я должен думать. Но выигрыш – это выигрыш, а проигрыш – проигрыш. На кону тысяча евро.

– И нечто большее, чем тысяча евро. Только вы этого еще не знаете.

– Надеюсь, и не узнаю.

– Встречала я и таких, с ними было неинтересно. Я сразу возвращала деньги.

– Так что, мы расторгаем договор?

– Я сказала *с ними*, но не с вами.

– А чем я лучше?

– Ничем не лучше, вы просто другой и – только не загордитесь! – по-настоящему интересный. Кажется, я вас раскусила: вы ни во что не верите, – произнесла она задумчиво.

– Согласитесь, это вряд ли облегчит вам жизнь.

– Легкие пути неинтересны!

Уж чего-чего, а уверенности в себе Ольге не занимать, но иначе у нее не было бы никаких шансов: она не из тех женщин, на которых заглядываешься при случайной встрече. Или все-таки из тех? Сейчас я бы уже не смог ответить на этот вопрос категорично.

– Ну и как вы заставите меня почувствовать настоящую любовь?

– Заставлять вас я не собираюсь! – ответила она. – Стремление любить заложено в нас Богом.

– Похоже, иногда он делает исключения.

– Сомневаюсь.

– Почему же тогда у меня нет этого стремления?

– Оно, конечно же, есть, но сначала вам нужно преодолеть свой страх. И я готова вам помочь.

– Помочь преодолеть то, чего нет? – улыбнулся я.

Она пожала плечами, показывая, что остается при своем мнении, потом снисходительно пояснила:

– Страх может прятаться так глубоко, что о его существовании и не догадываешься.

– Предположим, вы правы! Какого рода помощь вы собираетесь мне оказать?

– Пока не знаю, мы ведь едва знакомы.

Раскрывать карты раньше времени Ольга не собиралась, стремясь захватить инициативу. И все же в ее позиции скрывалась изначальная слабость: любовь, за которую платят деньги, отдает проституцией и потому не может быть настоящей. Но Ольга вывернулась, заметив, что каждый приходит к своей любви сам, ее же роль вторична и не до конца понятна ей самой. Обезоруживающее признание! Не зная, что сказать, я сосредоточил взгляд на дереве, на ветках которого миролюбиво ужились лимоны и апельсины. Внимательно наблюдавшая за мной Ольга заметила:

– Мы с вами – как эти апельсины и лимоны! Очень разные на вкус.

– Да, общего у нас маловато.

– Если не считать вашей тысячи евро, – рассмеялась она. – Поверьте, я ей совсем не дорожу.

Да, юмор у нее своеобразный. Рассчитан на то, чтобы меня обозлить? Странная тактика оболщения. Или она хочет усыпить мою бдительность?

– А есть что-то, чем вы дорожите?

– Свободой, – не раздумывая, ответила она. – Я живу как хочу.

– Блажен, кто верует! В реальности никто не живет как хочет.

Вам что, нравится сидеть здесь и тратить на меня время?

– Да, – подумав, ответила она.

Наши глаза встретились, что, видимо, входило в ее планы. К этому времени солнце поднялось выше, и освещение в саду изменилось: Ольга, переместившаяся в светотень, выглядела теперь магически-загадочной. Но когда ты понимаешь, что магия – это элемент стратегии, справиться с ней нетрудно. Поэтому я ответил язвительно:

– Вряд ли общение со мной – такое уж большое удовольствие. Вам молоко за вредность не полагается?

– Мою вредность?

– Нет, я про вашу работу.

– Вы называете это работой?

– А почему нет? Разве клиент не платит деньги за услугу, которую вы оказываете?

– У вас редкий талант выставлять все в искаженном свете. Скажите еще, что это медвежья услуга.

– Боюсь, что так оно и есть, – сухо заметил я. – Принося любовь, вы вместе с ней приносите и страдания.

– Если любовь обходится без страданий – это не настоящая любовь.

– Но вряд ли кто-то готов платить деньги за страдания. А именно их вы и продаете.

– Вы осуждаете меня за это?

На такой вопрос не так-то легко ответить. Осуждал ли я Ольгу? Да, потому что идея, лежавшая в основе ее бизнеса, мне не нравилась. И еще потому, что на ее удочку попался мой приятель. С другой стороны, сама процедура была относительно честной. При заключении контракта никто никого не обманывал.

– Кто я такой, чтобы судить? – уклончиво ответил я. – Святой?

– Нет, – улыбнулась Ольга, – но и у меня на спине крылья не растут.

– Если только вы не прячете их под шалью.

– Надеюсь, вы не собираетесь ее с меня стащить.

– Поверьте, я не настолько любопытен.

– А насколько? Вы внесли солидную сумму, не жаль будет с деньгами расставаться?

– Не думаю, что до этого дойдет, – твердо сказал я.

– Какой же вы колючий! – насмешливо заметила Ольга. – Ни дать ни взять ежик.

– Очевидно, в тумане.

– Только туман внутри вас, а не снаружи.

В ее иронии не было ни малейшего смысла: никого нельзя очаровать, насмехаясь. Может быть, она уже смирилась с поражением и готова вернуть мне деньги? Но тогда я вряд ли узнаю о том, что и как у них с Вадимом произошло, а узнать хотелось. Правда, непонятно, зачем мне это. Возможно, дело даже не в Вадиме, а в том, что я воспринял объявление Ольги как нечто личное? Настоящая любовь с предоплатой не может быть ничем иным, кроме вызова!

– В вашем бизнесе есть стандартный сценарий? Или вы действуете по обстоятельствам? – поинтересовался я.

– По-разному, – сухо ответила Ольга. Вопрос ей не понравился. Инициативу она определенно теряла, а с ней и шансы на приз, но особого беспокойства в ее глазах пока не замечалось. Неожиданно Ольга поинтересовалась, богатый ли я человек. На что я ответил, что манна с неба на меня не сыплется.

– Тогда я в полном недоумении, – задумчиво отметила Ольга. – Мужчины, которые к нам обращаются, ищут либо любви, либо приключений. Они готовы потратить на это определенную сумму. Вам же, как мне кажется, ничего такого не нужно.

– Если честно, то я просто хочу вас понять.

– Думаю, вы первый человек, у которого возникло такое желание! – рассмеялась она. – Но, поверьте, на самом деле вам полезнее разобраться в себе, а не во мне. А раз так, то наша встреча закономерна.

Ее альт, взлетев на более высокие ноты, вновь обрел музыкальность. Возможно, голос и был главным оружием Ольги, но одним только голосом мужчину не завоеуешь.

– Закономерность – это всего лишь обратная сторона случайности! – небрежно заметил я. – В конце концов я мог и не наткнуться на ваше объявление.

– Давайте исключим сослагательное наклонение! – безапелляционно заявила Ольга. – Случилось то, что случилось!

– Хорошо, – согласился я. – Но скажите, неужели все ваши клиенты испытали настоящую любовь?

– Почти все. Уже и не знаю, радоваться этому или нет.

Было ли это рисовкой, или она и вправду сожалела об успехе? Скорее первое, чем второе.

– Как-то мне не верится, что разные люди могут испытать одинаковое чувство.

Я оглянулся, ища поддержки у компаньонки Ольги, но она к тому времени умудрилась оставить нас одних, причем так, что я этого даже не заметил.

– Разумеется, у всех все по-разному, – ответила Ольга, – но если любовь настоящая, вы понимаете это сразу.

Похоже, она по-прежнему говорила искренне, не собираясь расставаться с этим своим преимуществом. Честность – лучшая политика даже в искусстве обольщения. Что заставляло мужчин

терять голову рядом с Ольгой? Что они находили в ней такого, чего не видел я?

– Послушайте, вы узнали слишком много моих секретов, давайте теперь изменим правила! – со всей возможной серьезностью сказала Ольга. – Давайте вообще забудем про настоящую любовь, вы все равно не за этим пришли! Давно вы в Лиссабоне?

– Прилетел утром.

– Надолго?

– До полуночи.

– И раньше вы тут не были? Хотите, я покажу вам город? – она слегка понизила голос, будто предлагала что-то запретное. Хотя возможно, что так оно и было. У Ольги наверняка имелся апробированный сценарий оболъщения, и, похоже, она собиралась здорово от него отойти.

– Думаете, так вам будет со мной легче?

Мой грубоватый вопрос вызвал неожиданный эффект: Ольга рассмеялась, будто я сказал нечто очень смешное, а затем сделала шаг и кончиками пальцев коснулась моей щеки. Движение было таким изящным, будто его отрепетировали заранее.

– Видите, мне и так с вами легко! – сообщила она заговорщицки. – Ну что, отправляемся на экскурсию?

– Это не будет нарушением ваших правил?

– Правил не существует, если речь идет об искусстве. Я – художник, а не ремесленник.

– И что же вы собираетесь нарисовать?

– Не что, а кого. Вас, конечно!

– В профиль или анфас?

– Вид из глубины. С самого дна.

– Там только камни и морской песок.

– И много чего еще неизвестного. Уверена, мы скоро это узнаем.

Ее энтузиазм даже забавлял: чем-то Ольга походила на лису, положившую глаз на пять сольдо Буратино. С точки зрения лисы, заполучить их – вопрос времени, и только. Ну что ж, делайте ставки, господа! Игра продолжается!

– Экскурсия так экскурсия, – согласился я. – Надеюсь, вы хорошо понимаете португальский?

– Ни единого слова, – беспечно сообщила Ольга.

– В таком случае нас ждет увлекательная прогулка!

– Не хмурьтесь, многие здесь говорят на английском! – заметила она небрежно. – Это не проблема!

Впрочем, в английском она тоже была не сильна, в чем я убедился чуть позже, когда, направляясь к набережной, мы зашли в антикварную лавку. Безупречно Ольга владела только одним языком – языком жестов, но этого было более чем достаточно, чтобы владелец – пожилой усач в выцветшей тенниске – безошибочно выполнил все ее просьбы. Искала она куклу в национальном португальском платье, хотя, возможно, ей просто нравилось рыться в старых вещах. На мой непросвещенный взгляд единственным подходящим местом для собранной в лавке рухляди была городская свалка, но Ольга думала иначе. Куклу она нашла, правда, владелец лавки заломил за нее несуразную по моим представлениям цену – пятьдесят евро. Торговаться она не стала, лишь умоляюще взглянула. Понимая, что совершаю идиотский поступок, я вручил торговцу рыжеватую ассигнацию. На улице Ольга в очередной раз попыталась меня одурачить, протянув мне куклу.

– Пусть у вас что-то останется на память обо мне! Ее зовут Леонор.

– Поверьте, я вас и так не забуду, – возразил я. – Но девочкам куклы нужнее, оставьте ее себе.

Меня поразило, как бережно Ольга прижала куклу к груди, будто та была ребенком. На каком из моих инстинктов она пыталась сыграть? Или это был ее собственный инстинкт?

Пройдя квартал по хуа-да-Мадалена, мы, как следовало из указателей, свернули к площади Россиио. Лиссабон – столица не самой богатой европейской державы, но исторической помпезности в нем хватает. И хотя мой гид мало что могла рассказать о местных достопримечательностях, прогулка выдалась приятной: Ольга выглядела счастливой уже оттого, что просто бродила по городу. Со стороны мы, без сомнения, выглядели влюбленной парой, многочисленные прохожие улыбались нам с одобрением.

На площади скучала в одиночестве конная статуя Педру Четвертого – короля, о заслугах которого Ольга не знала ровным счетом ничего. Несколькими кварталами ниже возвышалось громоздкое сооружение – старый городской подъемник,

воспользоваться которым она не пожелала, заметив, что тринадцать евро – цена двух билетов! – можно потратить более разумно. Извилистая улочка привела нас к площади, главной достопримечательностью которой был расфуфыренный часовой, застывший на посту у казармы местной гвардии. Две девочки лет пятнадцати перешептывались поодаль, затем одна из них решительно направилась в его сторону. Гвардеец в два четких шага вышел из будки, позволяя себя сфотографировать. Без сомнения, церемониал был специально отработан, чтобы способствовать привлечению туристов. С другой стороны, каждый город стремится зарабатывать на приезжих, так почему Лиссабон должен быть исключением? Оставив часового охранять казарму, мы зашли в крохотное полуподвальное кафе, где потратили половину сэкономленных на подъемнике денег, заказав кофе с заварными пирожными. Как многозначительно сообщила Ольга, это были знаменитые пирожные из Белема, но, отведав, я не сумел оценить их по достоинству. Ольга по-прежнему не убирала шаль с плеч, и я поинтересовался невинно:

– У вас на плече выжжена лилия?

– Пусть это пока останется тайной! – кокетливо ответила она. – Но неужели вы видите во мне сходство с Миледи?

– Нет,нисколько. Хотя, возможно, ее тактика оболъщения мужчин и ваша не особо отличаются.

– Так я хочу вас оболъстить?

– Наверное. Иначе зачем тратить на меня время?

– По той же причине, по которой вы тратите время на меня. Мне тоже хочется вас понять. У нас взаимный интерес.

– Пусть так, – согласился я, – но вы не дали ответа на вопрос о лилии.

– Успокойтесь, клейма на моих плечах нет! – улыбнулась Ольга. – Они безупречны.

– Тогда почему бы вам их не открыть?

– Именно по этой причине! Не хочу прибегать к крайним мерам!

– Зря. Со мной без них не обойтись.

– Самоуверенность – замечательная мужская черта.

– Слово *мужская* прозвучало у вас пренебрежительно! Не очень-то вы жалуete нашего брата.

– Отчасти вы правы, – неожиданно призналась Ольга. – Беда в том, что мужчины большей частью предсказуемы и хотят, как правило, одного и того же. А это не может не раздражать.

– Женщины способны раздражать не меньше! – парировал я.

– В том числе и я?

– Нет, вы не раздражаете, – не колеблясь, признался я.

– Приятно быть исключением, но то же самое можно сказать и о вас, правда, с точностью до наоборот. Вам ничего не нужно, вы довольны тем, что имеете. Женщина для вас – деталь быта и не более, но я уверена, что вы способны на большее!

– И вы намерены это доказать?

– О да, хотя проще было бы вернуть вам деньги. Неужели все дело в моей жадности? – спросила Ольга шутливо. Менять тональность диалога – удачный прием: кому не нравятся веселые собеседницы?

– А любовь и жадность могут поладить?

– Они несовместимы! Обратите внимание: разве я что-то избражаю за ваши деньги? Я не имитирую никаких чувств, если вы заметили.

– Заметил, – согласился я.

– И разве вам так плохо со мной?

– Совсем не плохо. Можно сказать, даже интересно.

Ольга удовлетворенно улыбнулась. С ее точки зрения я понемногу сдавал позиции.

– Но сам себе я не кажусь столь же интересным. Скорее скучным, – признался я.

– Ну что вы, с вами совсем не скучно. Вы здравомыслящий и в то же время ироничный собеседник, что не может не нравиться.

– Приятно слышать. Но если бы не контракт, вы вряд ли обратили бы на меня внимание.

Ольга задумалась, затем нехотя со мной согласилась:

– Вы правы. Но это моя беда, а не вина: я практически не общаюсь с мужчинами вне рамок деловых отношений.

Деловые отношения с мужчинами – удачный эвфемизм для бизнеса на настоящей любви, но насколько он прибыльный? Не думаю, что она много на этом заработала. Хотя кто знает? Простакки не переводятся.

– Видите ли, контракт ничего от меня не требует, кроме результата, – попыталась оправдаться она. – Любовь должны испытать вы, а не я.

– И у вас не возникает никаких чувств к клиентам? – удивился я.

– Почему же? Симпатия.

– Сомневаюсь, что я ее у вас вызываю!

– Из-за того, что не верите в любовь? Ошибаетесь, на самом деле вы мне симпатичны. Как и я вам.

– Вы научились читать мысли?

– Нет, полагаюсь на чутье. Я вижу, что мое общество вам приятно, но вы скованны, потому что опасаетесь попасть в ловушку и проиграть. Для вас наше общение – соревнование.

– А для вас нет?

– Конечно. Я просто хочу вас лучше узнать. Вы для меня загадка.

– Потому что мне от вас ничего не нужно?

– А это правда, что не нужно? Вы же за что-то заплатили! Вопрос: за что именно?

– Пусть у меня будет своя тайна.

– Ваше право! Но тайное всегда становится явным.

– По законам жанра это должно произойти не раньше финала.

– Тогда это случится еще нескоро, – подчеркнула Ольга. – Мы пока в начале пути.

Итак, сдаваться она не собиралась. Возможно, дело и вправду уже не в деньгах: Ольгу, как и меня, охватил азарт. Как бы мы с ней ни называли наше состязание, все его признаки были налицо – и игроки, и конечная цель игры, и призовой фонд для победителя.

– Неужели вы не испытываете азарта при общении с клиентами? В конце концов это ваш заработок, – не удержался я.

– Симпатия и азарт – разные вещи! – пояснила она мягко.

Вряд ли такой ответ можно назвать исчерпывающим, но могло ли быть иначе? Женское понимание жизни отличается от мужского, кто бы что ни говорил о равенстве полов.

– Разные, – согласился я, – но из этого не следует, что они не могут дополнять друг друга. Или я неправ?

Мой вопрос заставил Ольгу нахмуриться. Поморщившись, она ответила, что я прав, но только в общем, а не в частности.

– Частность – это вы? – спросил я.

- Возможно.
- А общность – все остальные?
- Я такого не говорила.
- И не надо, вывод напрашивается сам собой.
- Это что-то меняет?
- Ничего.
- Тогда мы опять вернулись к тому, с чего начинали.
- К нулю, – сказал я.
- Ну что вы, ноль – это абстракция, абсолютное ничто, а мы с вами – нечто вполне реальное, хотя и не поддающееся исчислению.
- В таком случае я бы назвал вас вещью в себе.
- Или не в себе, если вы будете продолжать в том же духе. Давайте оставим жонглирование словами, этот город слишком хорош, чтобы от него отвлекаться.
- Вам удастся успешно с ним конкурировать.
- Какой сюрприз: вы умеете делать комплименты?
- Никогда ранее не был в этом замечен.
- Выходит, мне оказана особая честь!
- Я бы не обольщался. Да и вряд ли на вашу самооценку повлияют комплименты.
- Вы совсем не понимаете женщин.
- Особенно вас. Но вы, с ваших слов, и сами себя не понимаете, так что мне простительно.
- О, вам много чего простительно, потому что вы Фома неверующий.
- Это хорошо или плохо?
- В вашем случае, наверное, хорошо. Открою секрет: я действительно испытываю симпатию к клиентам, но скорее как доктор к пациентам. Вам же удалось не вписаться в эту схему. Вы тот больной, который ни в коем случае не хочет выздороветь.
- Или тот здоровый, который не хочет заболеть, – возразил я.
- Ах да, вас смущает, что я могу заставить вас страдать!
- Не столько меня, сколько тех, кого вам удалось сначала околдовать, а затем оставить один на один со своим чувством. Не слишком ли жестоко?
- Не хотел этого говорить, вырвалось само. Просто вспомнился портрет Ольги на столе у Вадима.

– Так вы все-таки собираетесь меня судить? – спросила Ольга.

Когда не знаешь, что ответить, лучше промолчать. Но молчание не всегда золото, это еще и потеря инициативы, чем Ольга и не преминула воспользоваться.

– Разве не очевидно, что настоящая любовь может быть и жестокой тоже?

На некоторое время наши взгляды вновь пересеклись, что было откровенной провокацией. Глаза Ольги блестели, выдавая возбуждение, для которого не было никаких оснований. Словно прочитав мои мысли, Ольга спросила мягко:

– Но лично вы страдать не готовы, не правда ли?

– Со мной это не пройдет, – твердо ответил я.

Мою решительность Ольга восприняла как слабость и поторопилась развить успех.

– Но поверьте, *вы* достойны большего. Собственно, из всех мужчин, с которыми мне приходилось иметь дело, вы больше всех заслуживаете настоящей любви.

– Почему?

– Потому – пусть вы даже не хотите в этом признаться самому себе! – что вы – такое же исключение из правил, как и я.

– С чего вы это взяли? – удивился я.

– Да с того, что мне комфортно разговаривать с вами. Знаете, рыбак рыбака видит издалека. У вас очень интересная правильная речь, а из этого следует, что вы начитаны и умны. Эти два качества редко встречаются в одном человеке.

– Трудно не быть начитанным, когда проводишь столько времени в дороге, – заметил я. – Это не обязательно делает тебя умным.

– Смотри что читать! – улыбнулась Ольга. – Но дело даже не в интеллекте. Если честно, я не очень-то жалею интеллектуалов из-за их заносчивости. Мне легко с вами, потому что вы – хороший человек, а я, наверное, не очень. Минус всегда тянется к плюсу, тут уже ничего не поделаешь.

– Откуда вам знать, что я хороший человек? – мое раздражение давало Ольге преимущество: ей все-таки удалось задеть меня за живое.

– Интуиция, – беспечно пояснила она. – Поверьте, она никогда не обманывает, если ей доверять. Но вы ведь не полагаетесь на интуицию, не так ли?

– Вы здорово ошибаетесь. Именно на нее я и полагаюсь. И когда у меня возникает симпатия к какой-нибудь девушке, интуиция подсказывает, что это ненадолго.

– И, конечно, интуиция вас не обманывает, – задумчиво произнесла Ольга.

– Никогда, – согласился я. – Но, может, это и к лучшему?

Пауза, которую нечем заполнить. Шурша передником, к столу подходит официантка, чтобы забрать пустые чашки. Не понимая ни слова, она тем не менее чувствует возникшую напряженность. Судя по неприязненному взгляду, ее симпатии не на моей стороне.

– И все-таки ошибаетесь вы, а не я, – неожиданно рассмеялась Ольга. – У вас совсем нет интуиции.

– Предположим. Что же тогда мною движет? Осторожность?

– Да вами вообще ничего не движет. Вы просто не встретили пока ту женщину, ради которой можно потерять голову!

– То есть не встретил такую, как вы? Нет уж, спасибо большое, мне и без настоящей любви неплохо.

– Неплохо без любви?! Вам что, уже за семьдесят?

– Слава богу нет. Просто у нас разное понимание жизни.

– Да вы ее вообще не понимаете!

– Послушайте, мы заключили контракт, но, кажется, слишком далеко от него отошли.

– Ну разумеется, контракт! – пренебрежительно ответила Ольга. – Забудьте вы о нем! Мы просто прогуливаемся по Лиссабону. Я ни к чему вас не принуждаю.

В полном несоответствии со своими словами она придвинулась ближе и положила ладонь мне на предплечье. Сдаваться по-прежнему не собиралась, намереваясь любым способом заработать свою тысячу. Но даже осознавая это, я не мог не оценить приятности прикосновения. Ладонь у Ольги маленькая и нежная, как у ребенка: возьмешь такую в руки – и уже не решишься отпустить.

Почувствовав, что инициатива полностью в ее руках – в прямом и переносном смысле! – Ольга поспешно добавила:

– Но самое главное – как вы этого не поняли?! – *вам* я не собираюсь причинять страданий.

В этой фразе ударение на *вам* было столь подчеркнутым, что я не нашелся, что ответить. Покинув кафе и миновав respectable район Шиаду, мы выбрались на хуа-ду-Алекрим и уже по ней добрались до набережной, где не было ничего примечательного, кроме речного вокзала.

– Давайте прокатимся на пароме! – предложила Ольга. – На тот берег. Посмотрим на город со стороны моря.

– Со стороны реки, – поправил я. – С морем Тежу вообще не связана, она впадает в океан.

Ольга рассмеялась – весело и беззаботно, нисколько не обиженная замечанием.

– Вот видите, насколько я необразованная личность!

– Надеюсь, вы хоть школу-то сумели закончить?

– Сумела, – вздохнула она. – Школу, университет, а потом еще и аспирантуру.

– Ну поздравляю... – неуверенно протянул я. Ольга снова сумела меня удивить. – И в какой области аспирантура?

– Философия, – скромно ответила Ольга.

– Знаете, из нас двоих более необразованным можно смело называть меня, – самокритично заметил я. – Вы защитились?

– Нет, не хватило мотивации. Поняла, что наука и преподавание – не мое призвание.

Еще бы! Куда приятнее разводить на деньги легковых мужиков, чем проводить занятия со студентами, изнывая от скуки!

– С тех пор вы и продаете настоящую любовь? – поинтересовался я. – Это ваше призвание?

– Нет, – ответила она, – это всего лишь способ заработать деньги. После аспирантуры я два года проработала в театре. Там ишла свое призвание.

– Кем проработали?

– Разумеется, актрисой.

Ну и биография! Интересно, как Ольга попала в театр? Хотя чему удивляться? С таким, мягко говоря, неординарным талантом, как у нее, нетрудно пролезть в любую щель, было бы желание.

– И все же в театре вы не остались! – заметил я.

– Не осталась, – подтвердила она.

– Подозреваю, что вы были там белой вороной. Или нет?

– Или да. Но иногда и черной тоже.

– Главное – не серой, правда?

Почему мой вопрос прозвучал так сочувственно? Судя по косому взгляду Ольги, я не промахнулся.

– Вот видите, интуиция у меня все-таки есть.

– Это не интуиция! – ее смех вновь приобрел мелодичность. – У вас ее нет совершенно! Это обычная логика!

– Ладно, пусть будет логика! – согласился я.

Странно, но после этого мы оба пришли вчастливое расположение духа, испортить его не смогло даже то, что паром оказался грязной посудиной, сквозь мутные стекла которого Лиссабон выглядел замусоленным дагерротипом из позапрошлого столетия.

Спустя четверть часа наше судно пришвартовалось в Касильяже, главные достопримечательности которого – подводная лодка времен Второй мировой и трехмачтовый деревянный фрегат начала девятнадцатого века. Надпись на пошарпанном рекламном щите гласила, что фрегат назван в честь португальского герцога Фердинанда Второго. Подлодка, обильно подъеденная ржавчиной, выглядела убого, зато фрегат, казалось, только что сошел со стапелей. Входной билет стоил три евро, что вызвало у Ольги стойкое нежелание подниматься на борт. К счастью, мне удалось-таки ее уговорить, о чем мы впоследствии не пожалели. И если вид корабельных орудий на верхней палубе мою уточненную спутницу не заинтересовал, то на двух нижних палубах она осмотрела абсолютно все. Особое впечатление произвели на нее старинные сервизы в кают-компании и роскошное убранство капитанских апартаментов. А вот расставленных тут и там манекенов, изображающих матросов и офицеров, Ольга откровенно побаивалась. Когда мы забрели в полутемную круйт-камеру, где в свое время хранился корабельный порох, она вскрикнула, едва не столкнувшись с одной из этих неподвижных фигур, а потом быстро прижалась ко мне. Не знаю, сделала это нарочно или нет, но, обняв Ольгу, я почувствовал дрожь ее гибкого тела и еще нечто, заставившее нас надолго застыть в объятиях друг друга. Потом она осторожно высвободилась и направилась к выходу,

а я поплелся следом, причем каждый из нас прекрасно понимал, что именно произошло. Вероятно, это все же была спланированная акция, поскольку, спускаясь по трапу, Ольга уверенно взяла меня под руку и уже не выпускала ее до возвращения в Лиссабон.

Обратный путь мы проделали на том же неопрятном судне или, возможно, его брате-близнеце. На набережной было ветрено: несколько альбатросов, распластав крылья, неподвижно зависли в воздухе всего в паре метров над нами. Ольга послала им воздушный поцелуй и потащила меня к площади Коммерции. Противоположная ее сторона упиралась в Триумфальную арку и трамвайные пути. Здесь Ольга ориентировалась неплохо.

– Вы не проголодались? – поинтересовалась она, когда мы свернули на хуа-Ауфандейга – ничем не примечательную улицу с множеством лавчонок и забегаловок.

– Пожалуй да.

– Тут есть место, где отлично кормят! Зайдем?

– Если только не будем заказывать белемских пирожных!

– Не беспокойтесь, у них другая кухня!

Место, где отлично кормят, оказалось вытянутой в длину комнатой, вдоль одной из стен которой располагались в ряд маленькие столики, накрытые обычной клеенкой. Судя по скромности интерьера, заведение для туристов не предназначалось. Ольга уверенно заказала блюдо, называвшееся «бакаляу».

– Вы бывали тут раньше? – спросил я.

– Нет, – призналась она.

– Тогда с чего вы взяли, что здесь приличная кухня?

– Пару дней назад проходила мимо и услышала, как тут поют фаду. Люди, умеющие так петь, не могут плохо готовить.

Сомнительное умозаключение, но спорить я не стал. Увы, петь сегодня было некому: хозяйка в одиночестве хлопотала возле стойки, а неухоженный старик в таком же одиночестве мирно прикорнул за дальним столиком. В общем, идеальное место для обеда, если ты ненавидишь человеческое общество и при этом не страдаешь клаустрофобией.

Любопытно, почему Ольга привела меня сюда – в дешевую забегаловку для местных неимущих? Пройдя пару кварталов вверх, мы могли бы выйти в туристический район, где полно шикарных

ресторанов. Понятно, что финансовое состояние Ольги оставляет желать лучшего, но по умолчанию все расходы во время нашей прогулки ложились на меня. Может быть, она боялась засветиться в тех местах, где ее могут узнать? Сколько мужиков, которым она успела заморочить голову, точили на нее зуб?!

Приготовили бакаляу за считанные минуты. Блюдо с пастой, перемешанной с мелкими кусочками трески и омлета, заняло большую часть столешницы, оставив минимум пространства для столовых приборов. Не сказать, что еда была изысканной, но сытной – безусловно, а вино – просто превосходным.

К тому времени, когда нам удалось справиться с большей частью бакаляу, в зале стало теснее. Вновь прибывшие были не молоды и к местному бомонду явно не относились. Нас с Ольгой старательно не замечали, но и враждебности не проявляли: португальцы – люди воспитанные.

– И все-таки фаду мы еще услышим, господин скептик! – сказала Ольга. – Не зря же народ собирается.

– Скептик? С чего вы взяли? – подчеркнуто удивился я.

– На вас это написано заглавными буквами! – уверенно ответила она.

– Вам больше нравятся оптимисты?

– Совсе нет. Оптимисты чаще всего скучны.

– Тогда пусть лучше я останусь в ваших глазах скептиком. Но почему вы считаете, что оптимисты скучны?

– Да потому, что они не понимают жизни. В ней не так уж много поводов для оптимизма, – не задумываясь, ответила Ольга. – Вы не согласны?

– Почему же, согласен. Разве я не сижу сейчас с бокалом вина в дешевой лиссабонской забегаловке в присутствии особы, которая за мои же деньги должна вызвать у меня настоящую любовь? Где тут повод для оптимизма?

– В бокале, – подумав, ответила Ольга.

– Пожалуй, – согласился я.

– Ладно, в чем-то вы правы, но лишь потому, что боитесь любви как черт ладана. Но от нее вас точно не убудет. Впрочем, дело хозяйское, никто никому ничего не навязывает. Если хотите, вернемся домой, и вы сможете забрать свою тысячу.

Хотел ли я этого? Вообще-то, нет, потому что наше состязание занимало меня все больше и больше. Особенно грело душу то, что там, где мой друг вчистую проиграл, я стопудово выигрываю. Ответ мой помимо воли прозвучал снисходительно:

– А куда торопиться? По-моему, мы приятно проводим время. Правда, вы считаете меня человеком в чем-то ущербным, но это лишь оттого, что я плохо поддаюсь на ваши уловки.

– Уловки? – Ольга выразительно приподняла бровь.

– Хорошо, назовем иначе: на ваш нестандартный стиль общения.

– Напрасно стараетесь, вам не удастся меня задеть, – сказала Ольга.

– Да я вроде и не пытаюсь.

– Пытаетесь. И я прекрасно понимаю причину.

– Так назовите ее, – улыбнулся я.

– Это плохая идея. Будет задето ваше самолюбие.

– Пустяки! Стоит ли обращать внимание на такую мелочь, как мое самолюбие? Говорите, переживу, – отмахнулся я.

– Хорошо, слушайте! Вам кажется, что вы себя контролируете, набирая очки в игре, которую сами же и придумали, но на самом деле все происходит с точностью до наоборот.

– И как же?

– Вы в панике.

– Правда? Почему я ее не чувствую? Почему расслаблен и спокоен?

– Вам так кажется, это защитная реакция. Ваша подкорка в состоянии стресса, ей нанесли удар, каких она раньше не испытывала.

Никакого стресса я не ощущал, но меня насторожила уверенность, с какой говорила Ольга. Что она имела в виду?

– Вы и сами знаете! – едва ли не зло отрезала Ольга. – Там, в трюме, когда я жутко перепугалась.

Память может быть услужливой до стервозности. Я будто вновь оказался в скрыт-камере фрегата с дрожащей Ольгой в объятиях.

– Скажите, вы когда-нибудь испытывали что-то подобное? – спросила она.

– Нет, – не колеблясь, признался я.

– Представьте, я тоже.

Сердце мое заколотилось, ровно как и тогда – в кюйт-камере. Да что же это за фокус такой?! Я же ничего к ней не чувствую! Ничего!

– Нечестная была игра, – хрипло произнес я. – Вы специально все подстроили.

– Не говорите глупостей! Я просто испугалась до жути, а вы защитили меня от моего же страха. В тот момент я ощутила ваше полное надо мной превосходство. Поверьте, это новое для меня ощущение.

– И что, ранее вы ощущали только собственное превосходство?

– О, да! Мне всегда было легко управляться с мужчинами.

В этом-то я как раз и не сомневался. Но что было весьма приятно, управляться со мной, несмотря на ее несомненный талант, Ольге не удастся. Да и вряд удастся вообще, просто времени не хватит.

– Ладно, – сказал я. – на корабле, возможно, и случилось нечто такое, с чем ни вы, ни я никогда не сталкивались, но стоит ли на этом заикливаться? Не правильнее ли отнестись к нашему приключению в трюме как к курьезу?

– Ну да, вы ведь любите все делать правильно. То есть в вашу пользу, – в голосе Ольги прозвучал вызов. – Так что попробуйте, проигнорируйте то, что случилось. Вдруг у вас получится!

– Да ничего же такого особенного не было! – заупрямился я. – А если и было, то обязательно связано с любовью. И вообще, так ли это все важно?

– Вы не понимаете, что с вами происходит?! Тогда вы и вправду безнадежный скептик! Поверьте, нет ничего более важного, чем любовь, не зря она дарована нам Богом. К тому, что даровано Богом, нельзя относиться беспечно!

– Но Бог даровал нам не только способность любить, – рассудительно заметил я.

– И что же еще? – небрежно поинтересовалась она.

– Например, такие качества, как способность мыслить, трудолюбие.

– Вы до сих пор не поняли, чем отличается человек от прочих божьих тварей?! – возмутилась Ольга. – Они тоже наделены

трудолюбием, причем не меньшим, чем вы, и уж точно большим, чем я. И мыслить способны ничуть не хуже иных гомо сапиенс!

– Ладно, – неохотно согласился я, – вам виднее. В конце концов, кто из нас эксперт в области настоящей любви?! И, кстати, если ее испытываешь раз за разом, это входит в привычку?

Прозвучало довольно злобно, я тут же пожалел о несдержанности. К моему удивлению, Ольга ответила не очень убежденно:

– К любви нельзя привыкнуть!

И тут до меня наконец дошло: она, как и я, никогда никого не любила по-настоящему. Так всегда бывает: сапожник ходит без сапог. Занимаясь столь изощренным бизнесом, нельзя ни в кого влюбиться, потому что клиент в любом случае остается клиентом. Строго говоря, мы с Ольгой были одинаково одинокими, но мое одиночество являлось осознанным выбором. Недостаток любви к женщине можно легко восполнить любовью к жизни вообще, что в конечном итоге сводится к любви к самому себе. Но, выбирая такой подход, ты заранее понимаешь, что настоящая любовь, не вписываясь в его философию, превращается в неиспользуемую функцию.

Видимо, прочитав что-то в моих глазах, Ольга придвинулась ближе. Легкое дыхание у моего уха, шепот:

– Не уничтожайте меня! Я сама себя осуждаю.

Прозвучало настолько трогательно, что я не мог не обнять ее, что было полной капитуляцией. В оцепенении мы просидели невесть сколько времени, а потом она сделала то, что, видимо, давно намечала: ее губы коснулись моей шеи, оставив тлеющий отпечаток. В поцелуе Ольги было больше признательности, чем чувственности, но я все равно не смог удержаться от иронии:

– Вы полагаете, выиграть можно только таким способом?

– Опять вы о своем! Поймите же наконец, что никакая это не игра, вы меня и вправду по-настоящему заинтересовали, – Ольга вроде и огрызнулась, но взгляд ее говорил другое.

– Хорошо, пусть так, – согласился я. – Но что это меняет?

– А то, что мы можем абсолютно честно говорить друг с другом. Вам следует доверять мне, как я доверяю вам.

Конечно, она была права: мы уже начали привыкать к откровенности и теперь не могли без нее обойтись, как наркоман не может обойтись без дозы.

– Ладно, раз уж мы должны доверять друг другу, ответьте, – обратился я к Ольге, – вы сами когда-нибудь любили понастоящему? Или продаете товар, который не испробовали?

Она отодвинулась, внимательно на меня посмотрела и лишь потом с возмущением произнесла:

– И вы еще обвиняли меня в нечестной игре! Зачем вам это знать?

– Чтобы лучше вас понять, – не слишком уверенно ответил я.

– Унижая меня? Разве я пытаюсь вам что-то продать?

Похоже, мне удалось здорово ее задеть, пришлось дать задний ход:

– Вероятно, это был глупый вопрос.

– Глупый?! О нет, ведь вы очень умный человек! Чудовищно умный! Настолько, чтобы без труда отличить глупость от подлости!

Выволочка была заслуженной, я сразу же извинился, но Ольга продолжала смотреть на меня с вызовом. А затем что-то в ней сломалось, и она неожиданно мягко произнесла:

– Вам не нужно извиняться.

– Почему?

– Вы ведь и сами знаете, что я готова простить вам все.

Этот трюк удался Ольге на все сто, но, ни на мгновение не усомнившись в ее искренности, я все же понимал логику разыгранного представления. Мне пытались продать иллюзию того, во что я не верил. Несмотря на легкое отношение к жизни, у меня никогда не было легких отношений с женщинами, поскольку мои подружки всегда рассчитывали на большее, чем я мог им дать. На их скучном фоне Ольга выглядела принцессой.

– О чем вы думаете? – неожиданно спросила она.

– О вас, – признался я.

– Я вам не нравлюсь?

– Наоборот, нравитесь. Если рассматривать жизнь как будни, то вы – праздник. А кто не любит праздников?

– Только не я! Но вот за вас я бы не поручилась! У меня всегда было множество поклонников, но вы слеплены из другого теста.

– Поэтому я не ваш поклонник.

Она лукаво на меня взглянула.

– Неужели у меня нет ни единого шанса?

– Вам со мной было бы некомфортно, – серьезно ответил я.

– Только не с вами! – Ольга придвинулась вновь, но, к счастью, мне пока удавалось себя контролировать.

Как оказалось, это был самообман. К собственному удивлению, я обнаружил под своими пальцами мягкую ткань, покрывавшую плечи Ольги. Как это все-таки у нее получается?!

Уловив мою неуверенность, она спросила:

– Вас смущает шаль?

– Прежде всего, меня смущаете вы. Но ваша шаль тоже: какая загадка под ней скрывается?

– Под ней не скрывается ничего, кроме меня самой! – рассмеялась она. – Приятно, что я все еще остаюсь для вас загадкой.

– Больше, чем мне хотелось бы! – сознался я.

– Вас это пугает?

– Скорее интригует.

– Послушайте, это всего лишь кусок материи. Вы можете снять его с меня, когда захотите!

Это была очередная провокация, поддаваться на которую ни в коем случае не следовало, но я не колеблясь стянул шаль с ее плеч.

Вырез платья Ольги максимально оголял ее плечи и грудь, к чему она, несомненно, и стремилась. Набросив шаль, она до поры скрывала то, что считала своим главным козырем, – гармонию и изящество форм, но теперь решила, что пришло время им воспользоваться.

Продолжая пристально разглядывать плечи Ольги, я вышел за рамки приличия, что ее только развеселило.

– Вы, наверное, захотите увидеть меня всю? – насмешливо заметила она. – Мне как раз нужно выйти в туалет. У вас будет возможность осмотреть меня и спереди, и сзади.

Выйдя из-за стола, она направилась к дальнему концу зала, причем специально неспешно, чтобы дать мне время подольше ею полюбоваться. Следующие пять минут я не отрывал взгляда от двери туалетной комнаты, предвкушая не меньшее удовольствие, и не зря: обратный путь она проделала все с той же хорео-

графической грацией, которая приобретается упорным трудом либо даруется Богом. Что касается Ольги, можно было смело ставить на второе.

– Ну, вы удовлетворены? – тон ее оставался насмешливым, но улыбка была более чем нежной.

– Не совсем, – пожаловался я. – Вы смошенничали. Вернее, тот тип, который вас сконструировал.

Как я и ожидал, Ольга оказалась достаточно начитанной, чтобы не попасть впросак.

– Итак, рассмотрев меня внимательно, вы пришли к выводу, что я не настоящая! Неужели вы действительно думаете, что меня создал какой-нибудь чокнутый вроде профессора фон Брашлица? – рассмеялась она.

– Почему нет? Реальная женщина не может быть столь пластичной! – уверенно ответил я. – Если просветить вас рентгеном, есть шанс увидеть все эти колесики и провода, что позволяют вам казаться совершенной.

– Но, согласитесь, пока вы этого не сделали, юридически я остаюсь живым существом, – наш диалог забавлял ее все больше. – Поэтому вам придется примириться с моей пластичностью. Она вас раздражает?

– Скорее завораживает, и это мне не нравится, – признался я, – потому что с вами я теряю уверенность в себе.

– О, если так, то вам отлично удастся это скрывать! – воскликнула Ольга. – Мне никогда не приходилось сталкиваться со столь бесчувственным человеком. В сущности, андроидом являетесь вы, а не я. Без сомнения, вас сконструировали с единственной целью – трудиться. И поскольку праздники отвлекают от работы, вы не испытываете к ним симпатии, а заодно и ко мне, потому что в вашем понимании я тоже праздник.

Это притворство или она и вправду находит меня бесчувственным? Если так, то мне есть чем гордиться.

– Ну почему же? Вы мне симпатичны, – мне удалось произнести это нарочито спокойно, что, по идее, должно было ее разочлнить. – А что касается праздников, я и вправду к ним равнодушен, но не из-за того, что они отвлекают от работы. Просто у меня плохо получается радоваться вместе со всеми.

– Так вы индивидуалист? Что-то я не удивлена.

– Еще бы, ведь мы одного поля ягоды! И именно поэтому мне трудно довериться женщине, которая пытается мной манипулировать.

– И что же я должна сделать для того, чтобы вы перестали видеть во мне манипулятора? – быстро спросила она.

– Ничего, – я пожал плечами. – В том-то и дело, что вам ничего не нужно делать. У вас все выходит само собой.

– Это вас пугает?

– В известном смысле да. Мне не нравится быть марионеткой, даже если за ниточки дергает такая обворожительная особа, как вы, Ольга!

– Пусть вас это не страшит. На самом деле манипулировать вами невозможно. Мне приходится из кожи вон лезть, чтобы вас к себе расположить, но это напрасный труд: вы лишь немного раскрываете створки раковины, а потом спешно их захлопываете. Это вы не оставляете мне шанса, а не я вам. Знаете, что привлекло меня в вас с первой минуты встречи? В вас нет азарта охотника. Вы даже не пытаетесь произвести на меня впечатление. Просто дружески со мной беседуете. Иногда делая мне комплимент, иногда не давая пощады. Вы остроумный, тонкий и по-своему очень надежный человек. Мне хочется, чтобы и вы видели меня такой же, только это пока плохо получается.

Весь этот монолог Ольга произнесла на одном дыхании, слова ее приятно грели самолюбие. Не поэтому ли я пришел в такое прекрасное расположение духа?

– Проблема в том, что, как выяснилось, ни вы, ни я настоящей любви никогда не испытывали, – улыбнулся я. – Поэтому, даже если у меня и возникнет какое-то чувство, его не удастся идентифицировать.

– Я в таком же положении. Это тупик? – подыграла Ольга.

– Нет! – самоуверенно ответил я. – Критерий есть. Ваша компаньонка сообщила мне, что настоящая любовь не может стоить меньше тысячи евро.

– Думаю, это условие необходимое, но недостаточное, – рассмеялась она.

– Недостаточно тысячи?

– Фи, опять вы о деньгах! – фыркнула Ольга. – Я же сказала, что верну их, мне они ни к чему. Хватит уже и того, что вы потратились на Леонор, – она пересадила куклу со стула на колени, где та, как истинная женщина, продолжила с упоением прислушиваться к нашему разговору.

– Только не настаивайте на том, что у нас обычная прогулка, – сказал я. – Контракт есть контракт, вы не можете просто взять и забыть о нем.

– Что такое контракт? – презрительно отозвалась Ольга. – Обычный кусочек бумаги. Ощущение собственной свободы важнее, чем следование скучным параграфам текста. Поэтому с настоящим чувством все просто: если оно есть, вам плевать на правила. Если нет – вы ищите отговорки.

Рассерженная, Ольга выглядела потрясающе. Гармоничная во всем, она была вызовом, управы на который не существует в природе.

– По-вашему, я ишу отговорки? – спросил я.

– По-моему, вы способны на большее!

Способен на большее? На то, чтобы и вовсе голову потерять? Как все-таки удачно, что я вот-вот покину Лиссабон, а колдовские чары Ольги со временем рассеются, сохранившись в памяти не более чем приятным воспоминанием.

– До чего же мне хочется, чтобы вы проснулись! – сказала Ольга. – Знать бы, как вас растормошить.

– Со Спящей красавицей меня еще не сравнивали! – усмехнулся я. – Кстати, ее пробудил поцелуй! Не хотите попробовать? Уверен, это верное средство!

– Вы меня провоцируете? – заинтересовалась Ольга. – Я правильно вас понимаю?

– Есть немного, – признался я.

– Даже будь я готова, вы – нет! – с вызовом произнесла она.

Без сомнения, Ольга понимала меня лучше, чем я сам. Намного-намного лучше!

– Ладно, попали в яблочко! – согласился я. – Вам пока не удастся вскружить мне голову, но и вы не теряете своей, что помогает сохранить определенное равновесие меж нами. В нашем

общении с самого начала не было ничего тривиального, поэтому оно так интересно. Разве вы не испытываете того же?

– Конечно же нет! – воскликнула она. – Мне хорошо с вами не из абстрактных соображений, а просто потому, что вы мне нравитесь. Скажу больше, я никогда не встречала нормального с виду парня, столь далекого от нормальности, но ведь и обо мне можно сказать то же самое, а двое ненормальных – это уже ненормальность в квадрате.

В ее словах не было никакой иной логики, кроме женской, но прозвучали они убедительнее моих.

– Ладно, ваша взяла! – согласился я. – Возможно, мы с вами и вправду ненормальность в квадрате. В квадрате Малевича.

– То есть в кромешной тьме, – взгляд Ольги переместился в сторону входной двери, будто именно за ней скрывалась кромешная тьма. – Знаете, такая афористичность меня пугает.

– Вас пугает не афористичность, а форма квадрата. Его угловатость не сочеталась бы с вашим изяществом.

– Вы опять смеетесь надо мной! – Ольга погрозила мне пальцем.

– Всего лишь пытаюсь взять реванш. Вы постоянно берете надо мной верх, с чем я уже почти смирился. Мне остается только изредка огрызаться, чтобы вы не сочли меня банальным, – произнес я смиренно.

– Банальным? Вы шутите? Меня еще никто так часто не загонял в угол, а я достаточно изворотливая особа.

– Но свою изворотливость вам удастся хорошо маскировать. Вы выглядите настолько беззащитной, что нет ни шанса вам противостоять.

– Зачем же мне противостоять? – укоризненно спросила она. – Разве я делаю что-то вам во вред?

– Коту перед известной операцией тоже говорили, что это нужно для его же пользы. Проблема в том, что сам кот понимает пользу иначе.

– Но я ничего вам не навязываю!

– Если не считать настоящей любви, – заметил я, – но всегда можно отговориться тем, что мы заключили контракт.

– Вы жалеете, что его подписали?

– Нет, нисколько! Вы делаете свою работу настолько талантливо, что вами нельзя не восторгаться!

– Вы опять про работу?! – обиделась она. – Хорошо хоть, что не отказываете мне в таланте! Неужели вы не чувствуете, что сегодняшний день – особенный? Никогда бы не поверила, что найдется парень, способный управляться с такой строптивницей, как я.

– Управляться? Да вы просто водите меня за нос. На самом деле у вас все складывается, хотя – и это льстит моему самолюбию! – возможно, не так гладко, как с другими. Разве я не испытываю восхищения вами? И где граница между восхищением и любовью?

Ольга задумалась, смешно прикусив нижнюю губу. Инициатива вновь уплывала из ее рук.

– Вы настоящий фарисей! Одной фразой сумели и уколоть, и выразить восхищение, причем граничащее с любовью. *Граничащее* – какое замечательное слово! Только границу вы переходить не намерены, не так ли? Вам слишком хорошо на той стороне.

– Ничего другого мне из себя не выжать, – честно сказал я. – Вы и так добились слишком многого.

– Слишком многого с вашей точки зрения, но слишком мало-го с моей, – упрямо возразила Ольга. – Общаясь с вами, я попала в плен вашего странного обаяния. И стала таким же безвольным предметом, как этот сувенир.

Она заботливо поправила оборки на платье куклы, перенаправляя на нее мое внимание.

– Такой я вам нравлюсь больше, не правда ли?

– Менее всего вы ходите на куклу! Кукла не может быть настолько неотразимой.

– Неотразимой? Нет, неправда! Какую игру вы затеяли? – испытующе спросила Ольга. – В вас сейчас совершенно нет искренности.

– Вы ошибаетесь: к чему мне быть неискренним? Стараясь понять вас, я перестал понимать себя – до сей поры вполне здравомыслящего человека. Ольга, вас можно сравнить со щуккой, соревнующейся с пескарями: в таком состязании у пескарей нет шансов унести ноги!

– Унести плавники! – поправила меня Ольга. – У пескарей нет ног. Видите, я тоже могу кусаться.

Мне захотелось обнять ее, и это желание, видимо, настолько хорошо читалось в моих глазах, что Ольга инстинктивно придвинулась ближе. Глаза ее сияли.

– Забудьте, что вы здравомыслящий человек! Вы перестали понимать себя, но и я тоже. Мне следовало бы ненавидеть ваше здравомыслие, но я склоняю перед ним голову! Во мне самой его нет вовсе, поэтому мы с вами отлично дополняем друг друга, а значит, ничего еще не потеряно.

Как же она была хороша! Лицо, покрасневшее от возбуждения. Глаза, заслонившие собой полмира. Их гипноз оказался необоримым настолько, что я невольно сделал движение навстречу, и наши губы соприкоснулись. На мгновение, не больше, после чего Ольга отпрянула и замерла, не отрывая от меня растерянного взгляда. Спустя несколько секунд детское недоумение на ее лице сменилось откровенным испугом.

– Вы обиделись? – прошептала она виновато.

Эта метаморфоза – от неприятия поцелуя до полного раскаяния – настолько меня поразила, что я промедлил с ответом.

– Простите! – настойчиво попросила она. – Я понимаю, что обманула ваши ожидания.

В этот – самый неподходящий! – момент к столику подошел пожилой португалец, которому, судя по всему, и принадлежало заведение. Вопроса его я не понял, но Ольга уверенно кивнула головой. Хозяин, добровольно исполнив обязанности официанта, забрал со стола все лишнее, оставив только бокалы с вином. На меня не взглянул, зато Ольге улыбнулся сердечно.

– Вас не за что прощать, – после долгой паузы сказал я. – И, конечно, мне понятна ваша реакция.

– Ничего вам не понятно! – возразила она.

– Ну почему же? В контракте прописано, что мне нельзя вас касаться. Можно дойти до бог знает чего, если позволять клиентам лишнее.

– Спасибо, что вы мне все это разъяснили! – съязвила она. – Приятно, что вы по-прежнему считаете себя клиентом.

А разве нет? Ольга не оставляла попыток затянуть меня в пропасть, из которой уже не выбраться. Вадим, например, не смог. И непонятно: это хорошо продуманная игра или Ольга настолько

вжилась в роль, что искренне верит в то, что говорит? В таком случае она непобедима, остается только сдаться. И тут меня осенило: сдаться – это лучший тест на искренность. Безошибочный и очень дорогой.

– Хотелось бы надеяться, что я нечто большее, чем просто клиент, – осторожно начал я.

– И что же мешает? – насторожилась Ольга.

– Вопрос: насколько большее? Мы оба понимаем, что как бы ни было это приятно, общаться друг с другом нам осталось недолго. Хотелось бы остаться в вашей памяти таким, какой вы останетесь в моей.

– Но вы же еще не улетели!

– Пока нет, но час отлета близок, и у нас просто ни на что не остается времени.

– Вы сдаетесь?

– Да, причем в самом буквальном смысле. Я готов признать, что вы добились цели. Считайте контракт успешно выполненным.

– С чего бы это? – возмутилась Ольга.

– Причина очевидна: изначально я хотел всего лишь разоблачить эту вашу настоящую любовь. Но, как выяснилось, здорово ошибся. Настоящая любовь существует, в чем нет никаких сомнений. Поэтому контракт исполнен, деньги – ваши. Мы можем расстаться хоть сейчас.

Ольга пронзила меня взглядом, разгадать который не удалось бы даже опытному психоаналитику. Мрачно усмехнулась:

– Вы непредсказуемы.

– Учусь у вас.

– Но я бы не сдалась так легко.

– Вас не устраивает победа?

– Победа? В чем она? Вы вознамерились сыграть в поддавки. Ну что ж, ваше право. Но почему это должно меня радовать? Вы вообще не понимаете моих мотивов, потому что не верите ни единому моему слову.

Ольга вроде бы меня и отчитывала, но с каждым ее словом на сердце становилось все радостнее и радостнее. Тест она прошла. Но по большому счету радоваться было нечему. Ольга

оставалась честной и со всеми теми мужчинами, кому вскружила голову до меня. Просто я вынудил ее зайти намного дальше.

– На самом деле я верю в вашу искренность, Ольга! – сказал я без воодушевления. – Вы согласны хотя бы это считать успехом?

– Расстаться – это успех? Вы действительно хотите расстаться со мной прямо сейчас?

– Конечно нет. А вот вы вольны покинуть меня в любой момент. Я не буду требовать деньги обратно.

– Послушайте, я уже тысячу раз повторила, что мне наплевать на этот контракт и что мне не нужно ваших денег. Мы просто прогуливаемся, и вы упорно игнорируете мои попытки к сближению, не забывая всякий раз аккуратно напомнить мне о моем бесстыдном с вашей точки зрения прошлом. И тогда я начинаю смотреть на себя вашими глазами и перестаю нравиться себе самой. А ведь на самом деле мне нечего стыдиться! Я никого не обманывала и никому ничего не обещала сверх того, что было обговорено заранее.

– Да, вы никого не обманывали, – согласился я. – И что, кому-то было от этого легче?

– Вы снова хотите заставить меня заплатить за чужие страдания? – насмешливо поинтересовалась Ольга.

– Ни в коем случае! Дело на самом деле не в вас, а во мне. Похоже, я впервые в жизни испытываю смятение.

– Вы ни в чем не виноваты! – горячо возразила Ольга. – Просто вам так же трудно, как и мне. Не надейтесь, что я оставлю вас в таком состоянии!

– Но у вас есть на это полное право, – упрямо возразил я. – Вы достигли цели, я полностью удовлетворен.

– Как мало вам для этого нужно! Спрошу еще раз: вы хотите, чтобы я сейчас ушла?

– Вы же знаете, что нет. Но я хочу исключить из формулы наших отношений деньги. Мне кажется, так мы сможем больше доверять друг другу.

– Я и так вам ни разу не солгала, только этого, видимо, мало. Страх ошибиться и довериться не тому человеку – это наша с вами болезнь. Но нельзя же страшиться всю жизнь! Она просто пройдет мимо, и когда вы наконец очнетесь от летаргического

сна, будет поздно. К несчастью, эта мысль, очевидная для женщины, мужчинам недоступна.

– Недоступна, – не скрывая иронии, согласился я. – Мне, например, никогда не казалось, что жизнь проходит мимо. Как вы отметили, это моя болезнь, но с такой болезнью я готов жить и дальше. Что же касается страха довериться не тому человеку, то простая логика подсказывает, что вы и есть тот самый «не тот человек». Парадокс в том, что, даже понимая это, я не могу устоять перед вашим дьявольским обаянием.

Моя обличительная речь произвела, как ни странно, обратный эффект: глаза Ольги заблестели еще больше, и влажный ее взгляд выразил столько приязни, что ее хватило бы на десяток таких непробиваемых парней, как я. Думаю, сыграть такое было бы не под силу даже Саре Бернар. Положив ладонь на мое колено – смело, да?! – Ольга спросила:

– Вы действительно думаете, что я ничего не испытываю? Только потому, что я испугалась вашего поцелуя?

– Но ведь вы действительно испугались! – мягко ответил я. – Испугались того, что слишком далеко зашли.

– Далеко зашла?! Бросьте! Откуда вам знать, насколько далеко я готова зайти? И разве вам это интересно?

– Мне в вас интересно все! – честно ответил я. – Для вас это не тайна.

Но Ольга – теперь инициатива целиком принадлежала ей! – бросила небрежно:

– Повторите еще, что вы никогда не встречали такой необыкновенной девушки! Ведь с вашей точки зрения – это лучший способ меня осчастливить.

– Да, – согласился я, – у вас есть повод считать меня банальным, ведь вы наверняка слышали это сотни раз. Или, возможно, тысячу. Но есть обстоятельство, меня оправдывающее: я такого еще никому не говорил.

Наверное, это было именно то, что она и хотела услышать. И потому отвернулась, чтобы я не увидел торжества в ее глазах. Сидела неподвижно, выпрямив спину, словно меня больше не существовало. Что ж, ей удалось добиться того, что не удавалось никому другому. Собственно, мне было уже все равно,

сколько мужчин было в ее жизни, и как она поступила с моим другом. Мне было плевать, искренна она со мной или нет. Я любовался идеальной формой ее плеч, понимая, что готов любоваться ими всю жизнь.

В какой-то момент Ольга порывисто обернулась. Что удивительно, ее глаза были полны слез.

– Почему вы плачете? – никогда не подозревал, что в моем голосе может быть столько нежности. – Нет никаких причин расстраиваться!

Но моя неуклюжая попытка приободрить вызвала лишь вымученную улыбку.

– Вы довольны? Я вас не разочаровала?

– Подумать только, я мог сегодня и не увидеть вашего объявления!

– Я бы вам этого никогда не простила.

– Да и я себе тоже. Как жаль, что наше время истекает.

– Жаль, – согласилась она. – Какое замечательное слово!

Но до чего же жестоко звучит.

Она была права, но я не мог сказать ей ничего другого, потому что мы подошли к финалу, дальше занавес и аплодисменты. Как же это приятно: аплодировать самому себе. Парень, ты избежал ловушки! Ты остановился вовремя, на самом краю, и уже не повторишь судьбу лучшего друга. Такая боль тебе ни к чему.

– Куда бы нам еще пойти? – спросил я, но прозвучало это на редкость фальшиво. Идти было некуда и незачем.

– Проводите меня домой, – попросила Ольга.

Хозяин тут же принес счет. Спустя минуту мы уже шли по узкой хуа-Ауфандейга к дому с лимонно-апельсиновым деревом. Ничто вокруг не радовало: ни унылые строения на унылой улице, ни встречные унылые горожане. Я чувствовал себя подавленным, как никогда в жизни. Что ощущала Ольга, так и не проронившая ни слова, оставалось неизвестным, но когда буквально в метре от нас промчался старомодный трамвай, она вновь инстинктивно ко мне прижалась. И, запрокинув голову, взглянула с таким вызовом, что я выпалил первое, что пришло на ум:

– Мы так и не выяснили, как далеко вы готовы зайти.

– Настолько, насколько вы захотите. То есть никак.

– Послушайте, но ведь это вы оттолкнули меня, а не я вас!

Ольга даже в лице изменилась. Воскликнула возмущенно:

– Я же попросила прощения!

И, заметив мое изумление, смутилась.

– Это очень личное. Я просто была не готова, мне нужно время, чтобы привыкнуть.

– Вы что, никогда раньше не целовались с мужчинами? – поразился я.

– Еще как целовалась! Я вовсе не недотрога.

– Тогда в чем же дело?

– Мне не хочется об этом говорить.

– Хорошо, не будем, пусть это останется тайной, – сказал я. – Можно говорить о погоде.

– Сегодняшнее утро было ясным, без осадков, – голос Ольги ничего не выражал.

– А день?

– Временами облачность, а впереди холодная-холодная ночь.

– Может, завтрашнее утро снова будет теплым? – сказал я без особой надежды.

– Вы в это верите?

– Нет.

– Я тоже.

Взгляд она по-прежнему не отводила, напротив, приблизилась настолько, что наши ресницы едва не соприкасались. В какой-то момент, когда мы уже почти слились в одно целое, глаза Ольги закрылись. Я осторожно поцеловал полуоткрывшиеся губы, а она так же осторожно ответила.

– Вот видите, в этом нет ничего страшного! – тихо сказал я.

Ответа, конечно, не дождался. Остаток пути до ее дома мы проделали молча. Было невыносимо грустно, потому что день подходил к концу. А с ним и мое пребывание в городе, несколько часов в котором перевешивали всю мою остальную жизнь.

Дойдя до стены, за которой пряталось в сумерках лимонно-апельсиновое дерево, мы остановились, поскольку идти дальше было уже некуда. Из-за угла выполз потрепанный белый «Фиат» и, обдав нас черной гарью, тяжело пополз вгору. Ольга безучастно следила за ним, пока он не скрылся за углом, и только после этого

взглянула на меня. Не удержавшись, я резко привлек ее к себе. Наверное, она ждала чего-то подобного, потому что ее руки сразу же обвили мою шею, а губы потянулись к моим губам. В этот раз мы целовались по-настоящему: до бешеного стука сердца, до остановки дыхания. Но... скрипнула калитка, на что ни я, ни Ольга не обратили внимания. А напрасно! Из темноты донесся возмущенный голос:

– Что ты делаешь?!

Компаньонка Ольги, казалось, готовая меня растерзать, на самом деле обращалась не ко мне:

– Боже, ты сошла с ума!

В этом возгласе слышалось больше растерянности, чем настоящей злости, да и выглядела Евгения так, будто увидела в своей постели крокодила. Но Ольга отпрянула от меня, словно и вправду провинилась.

– Послушай, ты уже взрослая девочка, никто не должен указывать тебе, как себя вести, – холодно сказал я.

Но Ольга была в таком смятении, что не ответила. Почувствовав состояние подруги, Евгения обняла ее за плечи и едва ли не приказным тоном предложила:

– Иди домой, я тут сама разберусь!

Ольга бросила на меня взгляд, полный отчаянья. Интересно, что все это означало? Даже если она и нарушила некие внутренние правила, придерживаться которых обязалась, что с того? Нарушить правила порой даже полезно. Насколько и чем она обязана своей подруге, чтобы так перепугаться?

– Вы – ее няня? – спросил я у Евгении. – Никогда не слышали, что совать нос в чужие дела нехорошо?

– Представьте, Ольга мне не чужая! – парировала Евгения. – А вот вам – да!

– Я так не думаю, – ответил я, сдерживая раздражение. С этой дамой у нас не заладилось с самого начала.

– А вы вообще в состоянии думать?! – поинтересовалась Евгения.

– Не сомневайтесь! И первая мысль, что приходит в голову: у вас нет права принимать решения от лица Ольги, – спокойно ответил я.

– Есть, потому что я ее самый близкий друг. И знаю, что для нее хорошо, а что плохо.

– Для нее или для вас? – вскипел я.

– Для нас обеих!

– Прекратите! – неожиданно вмешалась Ольга.

– Нет уж! – с нажимом произнесла Евгения. – Ты совсем расклеилась, кто-то должен тебя защитить.

– Защитить от чего? – вмешался я.

Но никто не ответил. Ольга и Евгения уставились друг на друга, не обращая на меня внимания. Так ненужную вещь задвигают подальше в угол, а быть ненужной вещью – малоприятная роль. Евгения, по-прежнему обнимавшая Ольгу, мягко сказала:

– Выбрось этого авантюриста из головы. Подумай сама: завтра его и след простынет, а мы с тобой останемся. И все будет как прежде.

– Или не будет, – не удержался я.

Увы, на меня опять не обратили внимания. Смешно, но в глазах Евгении именно я был авантюристом, хотя дело обстояло с точностью до наоборот. Не я состригал по тысяче евро с доверчивых клиентов. Но у девочек своя правда. Женская.

Евгения потихоньку начала оттеснять Ольгу к калитке. Уже в ее створе Ольга остановилась.

– Она ведь права, да?

Я не мог ей врать. И не мог не ответить, потому что в окружающем меня мире что-то изменилось, хотя, скорее всего, это что-то изменилось во мне самом. А правда прозвучала горьковато:

– В том, что меня след простынет, – права. В том, что все останется как прежде, – нет.

– Я тоже так думаю, – печально согласилась она. И, сбросив руку Евгении, вошла во двор. Уже из его темноты донесся ее голос:

– Пожалуйста, верни ему деньги!

– Ну, ты доволен? – спросила Евгения без особой враждебности.

И правда, последнее слово осталось за ней. Их совместное с Ольгой пространство дало трещину, но не разбилось вдребезги, и теперь должно было постепенно вернуться на круги своя. Так чего злиться на залетного фрэера, который в скором времени исчезнет за горизонтом!

- Думаю, у тебя больше поводов быть довольной, - ответил я.
- Не сказала бы. Будь моя воля, я бы тебе деньги не вернула. Что ни говори, но условия контракта ты нарушил.
- Формально - да. Но правда в том, что в нашей с Ольгой прогулке не было ничего формального.
- Это я заметила, - сказала она с иронией. - Никто еще не вел себя с ней так разнузданно.
- Где ты увидела разнузданность? - возразил я. - Мы целовались, это не преступление. Между мальчиками и девочками иногда такое случается.
- Только не с Ольгой. Ты ее вынудил.
- Каким, интересно, образом?
- Ты смошенничал с самого начала, - уверенно пояснила Евгения. - Тебе вовсе не хотелось настоящей любви, ты пришел к нам с иной целью. Я права?
- Да.
- Оказывается, даже с Евгенией получается говорить откровенно. Такой сегодня особенный день.
- На сто процентов уверена, что, прочитав наше объявление, ты решил унижить Ольгу.
- Зачем мне это?
- Стремиться к власти над женщиной - нормальный инстинкт самца. Никакой другой мотивации не нужно, - снисходительно сообщила Евгения. - Я читаю вашего брата как раскрытую книгу.
- Век живи, век учись! Приятно узнать, что я самец с нормальными инстинктами.
- Радоваться нечему, - сухо заметила Евгения.
- Наверное. Но ты неправа. Мне хотелось не унижить Ольгу, а понять ее. Это не одно и то же.
- И что ты понял?
- Что она так же одинока, как я.
- Ошибаешься. У Ольги есть кому о ней позаботиться.
- Есть кому позаботиться? А ты не подумала, что одной только заботы недостаточно? Может быть, ей нужно что-то еще.
- Ну да, нужно, как и любой женщине. Только ты ей этого дать не сможешь.
- Уверена?

– На все сто. Ты даже не попытаешься, потому что уже удовлетворил свое эго, да у тебя и времени не остается. И самое главное, ты не способен любить никого, кроме себя самого. Так что счастливого пути, скатертью дорога!

Увы, в чем-то Евгения была права: времени на выяснение отношений у меня практически не оставалось. Как и желания их выяснять. Что я мог предложить Ольге? Общение в Инстаграме?

– Жаль, что все так получилось, – сказал я. – Видимо, с другими соискателями настоящей любви у вас проблем не возникало.

– Не возникало. Все они получили то, за что заплатили.

– Разбитые сердца. Разочарование.

– Да, но оно того стоило, поэтому претензий не было. И они играли честно, в отличие от тебя.

– Ты не понимаешь, Евгения! Игра была лишь затравкой. С какого-то момента мы это переросли.

– Тебе так казалось, но давай будем откровенны: Ольга талантливая актриса и режиссер в одном лице, а настоящая любовь в ее исполнении – это моноспектакль для одного зрителя. По сути, его собственная драма. Вот как это работало.

– Но не со мной.

– Да, потому что ты неспособен любить. В этом и проблема. Ольга, стараясь тебя увлечь, слишком глубоко вошла в роль. Понятно, что ничего хорошего из этого не вышло, ей понадобится время, чтобы выйти из образа. Но ничего, я рядом. А теперь извини, мне нужно к ней вернуться. Подожди минуту, принесу твои деньги.

– Успокойся, я их не возьму, – сказал я.

Евгения взглянула на меня странно, словно и ожидала, и не ожидала моего отказа, потом пожала плечами.

– Ну, дело твое.

И скрылась за калиткой.

Вот так мы расстались. Можно сказать, по-хорошему. Оставшееся до отлета время следовало чем-то заполнить, и я направился к набережной, чтобы бросить прощальный взгляд на полноводную Тежу, но загадочным образом оказался вновь на хуа-Ауфандейга. Из открытых дверей знакомой забегаловки доносилось пение: фаду здесь все-таки исполняли!

Ни одного свободного места внутри уже не осталось. Хозяин, примостившийся на стуле в углу, аккомпанировал на гитаре весьма приятной на вид женщине с черной шалью на плечах. Петь она умела. Я слушал фаду, стоя у входа, и грустная ее мелодия проникла прямо в сердце. Когда песня закончилась, хозяин под аплодисменты обнял исполнительницу и, прошептав ей что-то на ухо, увлек прямым ко мне. Как оказалось, в качестве переводчицы.

– Почему вы вернулись без девушки? – спросила она на английском.

– Мы расстались, – нехотя ответил я.

– По какой причине?

– Наверное, мы не так уж нуждаемся друг в друге.

Услышав это, хозяин не на шутку разволновался, лишний раз доказав, что противоядия от очарования Ольги не существует.

– Вы ошиблись! – перевела исполнительница. – Поверьте, мой отец разбирается в женщинах, и он говорит, что вы нужны своей девушке. Она любит вас. Оттолкнув ее, вы поступили неправильно.

Но ошибался не я, а он – этот назойливый португалец! Я никогда не отталкивал, так же, как никто не отталкивал меня. Мы расстались, потому что не нашли никакого другого решения.

– Вы сомневаетесь в ее чувстве? – спросила исполнительница. – Но будьте уверены, это настоящая любовь!

Настоящая любовь?! Да неужели?! *Приходите к нам, и вы не почувствуете себя разочарованным!* Но я еще никогда не чувствовал себя настолько разочарованным! Меня одурачили уже в тот момент, когда я начал читать это злосчастное объявление!

– Настоящая любовь – это миф! – гордо изрек я.

То, что случилось дальше, не поддается объяснению: положив руку мне на плечо, хозяин проникновенно прошептал несколько слов, и их смысл я понял без перевода.

Если вы не верите мне, пойдите и спросите у вашей девушки. Вы все прочтете в ее глазах.

Возможно, он владел какой-то особенной формой гипноза, потому что в странном состоянии полусна я послушно направился к дому с лимонно-апельсиновым деревом. На звонок никто не отозвался, и от раздраженья я пнул калитку ногой. Никакого движения. Тишина. Но сдаваться я не собирался, ударил еще раз.

Потом еще. Настойчивость, как известно, всегда вознаграждается. За стеной слышались шаги.

Калитку открыла Евгения. Кто бы сомневался?! Ей в охранной фирме работать – цены не было бы. Берегла Ольгу как зеницу ока.

– Так и думала, что вернешься! – Евгения достала из кармана банного халата купюры – злосчастную тысячу евро. – Жадность всегда побеждает.

– Я не за деньгами!

– А за чем? – Евгения изобразила удивление.

– За кем. Попроси Ольгу выйти.

– С какой стати? Она спит.

– Так разбуди.

– Еще чего! Ты и так достаточно над ней поизмывался!

– Не хочешь звать – я сам позову.

– У тебя совесть есть? Собираешься и дальше ей голову морочить?

– Просто хочу поговорить, не нервничай... Ольга! – неожиданно даже для себя выкрикнул я.

Евгения возмутилась:

– Ты бы вел себя потише, а? Сказала же, спит! Да и не о чем вам с ней говорить.

– А давай мы сами разберемся! Без посредников.

– Да уже и так со всем разобрались. Чего ты еще хочешь?

– От тебя – ничего.

– Слушай, мы вроде нормально расстались. Все обсудили. Что за эти полчаса изменилось? – со вздохом спросила Евгения. Негромко, чтобы не разбудить подругу.

– Тебя это никаким боком не касается.

– Да неужели?! А по мне, еще как касается! Кто после твоего визита будет Ольгу в чувство приводить? Папа римский?

– Брось ты эту демагогию! Просто сходи и позови.

– Да ни за что!

Наши пререканья прервала Ольга. Как и в первый раз, появилась неожиданно, словно ниоткуда. Осунувшаяся, на бледном лице глаза – бездна, полная печали. И я знал, что хочу в эту бездну прыгнуть.

– Что случилось? – спросила она.

- Да ничего. Разговариваем, – досадливо поморщилась Евгения.
- Вообще-то, я к тебе, – сказал я, обращаясь к Ольге.
- Да? И что же ты хочешь? – выглядела она измученной, сегодняшний день стоил дорого нам обоим.
- Хочет продолжения спектакля, – ответила за меня Евгения.
- Просто поговорить, – уточнил я.
- Да не о чем ей с тобой разговаривать! – взбеленилась Евгения. – Уже обо всем поговорили.
- Я, между прочим, не к тебе обращался.
- Хорошо, – сказала Ольга.
- Что хорошо? – спросили мы хором.
- Хорошо, поговорим. Подожди меня.

Ольга отправилась к дому, Евгения следом за ней. Перед тем как они скрылись, я услышал призыв Евгении не делать глупостей. Предназначался он Ольге, но, возможно, и мне. Ждать пришлось минут десять, появилась Ольга с Леонор в руках. Евгения, слава богу, осталась дома. То ли Ольга настояла, то ли сама не захотела быть третьим лишним. В последнее, правда, верилось слабо.

Ольга протянула мне куклу.

- Хочу вернуть ее тебе. На память.
- Ты же знаешь, что я не возьму. Это подарок, – мягко сказал я.
- О чем ты хотел поговорить?
- Честно говоря, не знаю. Похоже, я перестал соображать.
- Такого не может быть, – грустно улыбнулась она. – Ты же образец здравого смысла.
- От него больше вреда, чем пользы.
- Ты вернулся, чтобы мне это сказать?
- Я вернулся, чтобы посмотреть тебе в глаза.
- Зачем тебе это?
- Чтобы увидеть то, чего раньше не разглядел.

Говорили мы тихо, и для того, чтобы лучше слышать, придвинулись друг к другу почти вплотную. Близость оказалась настолько искушающей, что я почти непроизвольно положил руку на талию Ольги.

- Евгения наблюдает за нами в окно. Я обещала ей не совершать опрометчивых поступков, – едва слышно произнесла она.
- Ты и не совершаешь. Но я-то ничего ей не обещал, правда?

- Да, - подумав, согласилась Ольга.
- Чтобы она на нас не пялилась, можно уйти со двора.
- Только недалеко, хорошо?

Далеко мы и не ушли. Сразу за калиткой я притянул Ольгу к себе, и она покорно ко мне прильнула. Не знаю почему, но в этот раз поцеловать ее я не осмелился.

- Как скоро тебе в аэропорт?
- Самое позднее через час.
- Целая вечность, - сказала она. Скорее всего, с иронией, потому что час - абсолютное ничто в паутине тех мировых линий, в которых мы запутались.
- Самая короткая вечность в истории, - уточнил я.
- Ложная вечность.
- Ложно все, истинно одно: я не хочу с тобой прощаться, - сказал я.

- Я тоже. Но ты же понимаешь, что придется.
- Понять понимаю, а в голове не укладывается.

Ольга обвила мою шею руками. Уличный фонарь освещал половину ее лица, казавшуюся прекрасной. Вторая пряталась в тени, грозившей вот-вот поглотить Ольгу целиком.

- Что мы делаем друг с другом? - пожаловалась она.
- Прощаемся.
- Почему это так больно?
- Потому что режем по живому.
- Ты прав, по живому. У меня ощущение, будто жуткая сила вот-вот разнесет мозг.
- Мой уже разлетелся на части.
- Пусть хотя бы одна из них принадлежит мне, - шепнула Ольга.
- Они все принадлежат тебе, но не могут ужиться друг с другом.
- Это признание в любви?
- Нет, это признание конкретного факта. Откуда мне знать, что такое любовь?! Я знаю только то, что ничего не знаю.
- Другие не знают и этого, если верить Сократу, - подбодрила меня Ольга.
- Надо же, запомню, что ты философ по образованию. Зря старался блеснуть эрудицией.

– Ничего не зря, – убежденно сказала она. – И я сейчас не философ.

– А кто?

– Девушка, которой вскружили голову и бросили. Шучу! Неужели я обрекала всех их – ты понимаешь, о ком я! – на то же, что испытываю сейчас сама?

– Да, в том числе моего друга. Это из-за него я заинтересовался вашим объявлением.

– Понятно теперь, почему ты поначалу так странно на меня смотрел!

– Как?

– Со здоровым любопытством, будто я бабочка на булавке.

– Увы, так и было.

– Как ни странно, такой ты мне очень понравился. До жути захотелось тебя растормошить.

– Это как растормошить осиное гнездо. Максимум пострадавших при минимуме усилий.

– Получилось то, что получилось, – вздохнула Ольга. – Я не жалею.

– Не жалеешь?!

– О чем? С тех пор как меня вежливо попросили из театра, я впервые счастлива.

– Почему же я – нет?

– Потому что ты теряешь, ничего не приобретая взамен.

– А ты?

– А я заболела тобой, но взамен исцелилась от другого недуга.

– От какого?

– Не скажу. Это тайна.

Еще одна тайна или та же самая? Я вспомнил, как отпрянула Ольга, когда я в первый раз ее поцеловал. И тут меня осенило! Да ведь это было реакцией не на лично меня, а на всех мужчин вообще. Даже полностью вжившись в роль, глубоко в подсознании Ольга боялась их естественных реакций, потому что в нем они оставались всего лишь клиентами. Не я первый пытался ее поцеловать, думаю, многие, теряя над собой контроль, делали то же самое, разрушая либидо Ольги, и этот постоянный конфликт истощал ее психику. Продавая настоящую любовь, сама она теряла способность любить.

– Кажется, я уже знаю, от чего ты исцелилась. От саморазрушения, – предположил я.

– Ты по-настоящему умен, – согласилась Ольга. – А мне было стыдно тебе признаться, что отношения с мужчинами вне деловых рамок у меня больше не получаются.

– Потому что они не купили входной билет в театр?

– Видишь, ты все-все понимаешь. Я была и актрисой, и театром одновременно, но раньше, когда спектакль подходил к концу, как змея, сбрасывала кожу. А с ней и способность любить.

– А сегодня кожа не сбросилась?

– И не подумала.

– Это так плохо?

– Вообще нет, но новая кожа тесна, мне и хотелось бы освободиться, и не хотелось бы.

– А я вот освободиться не хочу. Меня все устраивает.

– Еще бы не устраивало! Веселое приключение в Лиссабоне, будет что рассказать друзьям.

– Похоже, что мне сейчас весело?!

Как ни странно, этот упрек стал своего рода катализатором: на нас опять накатило. Я стиснул Ольгу крепче, поцеловал, она страстно ответила. Очнулись мы, правда, быстро.

– Так будет только хуже! И ты опоздаешь на рейс! – сказала Ольга, отстранившись.

– Полечу следующим, – заметил я легкомысленно.

– Нет, если задержишься, мне будет труднее с тобою расстаться.

Она была права, но правотой, с которой невозможно смириться. Не зная, что сказать, я стоял истуканом, и тогда Ольга вновь протянула мне Леонор.

– Может, все-таки возьмешь ее?

– Это твоя кукла, как же я вас разлучу?

– Тогда забери нас обеих! – вырвалось у Ольги.

Четыре слова, сказанных сгоряча, но что-то во мне переломилось. Странное, почти болезненное ощущение, когда вдруг понимаешь кто ты есть на самом деле – самовлюбленный эгоист, живущий в свое удовольствие. И этот человек перестал тебе нравиться. Забрать обеих? А почему нет?! С плеч словно гора свалилась, и будь у меня хоть какое-то подобие крыльев, я бы взмыл в небеса.

– По рукам! – мне понравилась твердость в собственном голосе. Но Ольгу она напугала.

– Ты... сошел с ума? – недоверчиво спросила она.

– Ну да. Есть с кого брать пример, – улыбнулся я. – Едешь?

– Нет... Да... Не знаю.

Хороший ответ, позволяющий выбрать любой из предложенных вариантов.

– Собирайся, – уверенно сказал я. – У тебя десять минут.

– Никуда она с тобой не поедет!

Евгения, черт бы ее забрал! И давно подслушивала? Хотя какая теперь разница?!

– Не тебе решать! – грубо ответил я.

– А кому еще? Вы же оба невменяемые!

– Слушай, не отнимай время, мы и так опаздываем! Ольга, бери только самое необходимое и не забудь паспорт!

– Оля, даже не думай! – Евгения перешла на крик. – Ты не видишь, что это авантюрист?!

– Я, наверное, тоже! – Ольга порывисто обняла подругу, после чего помчалась со всей возможной резвостью к дому.

Евгения попыталась рвануть за ней, но замешкалась, и я успел преградить ей дорогу.

– Не старайся зря, без Ольги не уеду!

– Козел!

– Может, и так, даже не буду спорить. Может, все это ошибка – и ее, и моя. Но мы попытаемся. У тебя нет права нам мешать.

– Да ради бога! Ты не знаешь, на что подписываешься! Думаешь, Ольга подарок? И все так просто?

– Ну я тоже не сахар! Но у нас есть шанс, по-твоему, мы его должны упустить? А потом всю жизнь корить себя за это?

– Ты сейчас от страсти ничего не соображаешь! Я тут таких повидала! Говорю тебе, вам двоим вместе ничего не светит.

– Никто не может этого знать – ни мы, ни ты. Так что извини, но лучше тебе расстаться с Ольгой по-хорошему. Ничто не мешает вам оставаться подругами и дальше. Мне, например, чем больше я тебя узнаю, тем больше ты нравишься, – миролюбиво предложил я.

– Ну ты и скотина! Выцарапать бы тебе глаза! – как ни странно, но злости в голосе Евгении поубавилось.

– Может, когда и выцарапаешь. Только ногти к тому времени отрасти, с такими, какие у тебя сейчас, дело не выгорит, – улыбнулся я. Сориться с лучшей подругой любимой женщины смысла нет.

Видимо, с отъездом Ольги Евгения смирилась. Попытки прорваться к дому больше не делала, стояла молча, что-то просчитывая. Но что в такой ситуации можно просчитать? Ольга появилась через пару минут. В руках сумка, причем не очень объемистая. Теперь уж Евгения порывисто обняла подругу. С минуту что-то шептала Ольге на ухо, а она согласно кивала головой. Со стороны было очень похоже на инструктаж: что делать, если любимый оказался сволочью и бросил тебя одну в незнакомом городе. Но, возможно, они говорили о чем-то другом. В любом случае времени на прощание уже не оставалось, и я осторожно коснулся плеча Ольги.

– Пора! Нам еще нужно вызвать такси.

– Я уже вызвала, пока собиралась, – сообщила она.

Ну и самообладание! И это в таких-то обстоятельствах! Как много мне еще предстоит об Ольге узнать?

Такси прибыло буквально через минуту. Когда мы садились в салон, Евгения спохватилась и достала из кармана халата стопку злополучных купюр.

– Держи, подруга, свои командировочные!

Вот так мы с ней и расстались – на иронической ноте. Что ни говори, вариант не самый худший. В такси Ольга спросила:

– Успеем?

– Как будто у нас есть выбор!

На всякий случай я попросил водителя поторопиться. Английского он не знал, но смысл понял и поехал чуть быстрее. К счастью, дороги в Лиссабоне в это время свободны, да и аэропорт от центра города недалеко. Билет Ольге я купил через приложение прямо в машине, цена была непомерной – обычная практика авиакомпаний для тех, кто решил лететь в последний момент.

На регистрацию мы успели, а чуть позже и на посадку, спасибо толерантным европейским пассажирам, безропотно пропустившим нас на досмотр без очереди. К указанному в посадочном талоне терминалу пришлось бежать, придерживая одной рукой Ольгу, а другой – обе наши сумки. Дух перевели только

в самолете. Места наши были далековато друг от друга, но мне удалось уговорить своего соседа, склонного к полноте очкарика, поменяться с Ольгой местами, так что мы оказались в креслах рядом. Возле иллюминатора уже сидела пожилая дама, чьей жизненной позицией было полное равнодушие к происходящему. Минут через десять после взлета она благополучно уснула.

– Я бы так не смогла, – сказала Ольга.

– А было бы неплохо, – улыбнулся я. – Нам лететь четыре часа.

– Все равно не усну. Мозг вот-вот взорвется.

– Ты его недооцениваешь. Мозг себе не враг.

– Себе-то, может, и не враг, но мне – точно.

– У вас все отдельно?

– В каком-то смысле – да. Мы и раньше не дружили, а сейчас и подавно. Скажи, это очень умно с моей стороны – бросить все и улететь непонятно куда с парнем, которого почти не знаешь?

– А ты хочешь его узнать?

– Конечно хочу! – не колеблясь, ответила Ольга.

– Тогда ты поступила умно, потому что другого способа просто не существует.

– И все равно мне страшно. Я могу представить себя рядом с тобой только до момента приземления. А дальше – черная дыра. И никто не в состоянии в нее заглянуть.

– Ольга, нет там никакой черной дыры. Мы просто сядем в такси и поедем ко мне домой.

– У тебя есть свой дом?

– Не совсем мой. Я снимаю квартиру. Там тесновато, но в остальном нормально. Все для жизни есть.

– Вот именно эту самую жизнь я и не могу представить. Тебе проще, ты работаешь, а чем я буду заниматься?

Хороший вопрос. И вправду – чем? Пришлось признать, что никаких идей на сей счет у меня нет. И, похоже, у Ольги их тоже не было: попасть в театр ей уже никогда не удастся, а продавать настоящую любовь, когда она сама влюблена, ей просто противно. Все, что остается – пойти на какие-нибудь курсы переквалификации и осваивать новую профессию. Нужную в народном хозяйстве.

– Боюсь, придется нам на эти курсы ходить вместе, – сказал я. – У меня, как и у тебя, есть все шансы остаться без работы.

- Ты о своем друге?
- Ну да, работать вместе нам теперь будет сложно. По крайней мере мне.
- Но ты же ни в чем не виноват!
- Это точка зрения девочки, у мальчиков все иначе. Я виноват в том, что посягнул на любимую женщину лучшего друга.
- Но я ему не принадлежу!
- Ну и что с того? Он-то тебя любит.
- Может, это постепенно пройдет? – с надеждой спросила Ольга.
- Все проходит, – неопределенно ответил я. – Вопрос – когда?
- Наверное, не очень скоро?
- Даже не сомневайся! Вадима я хорошо знаю.
- Я осталась без подружки, ты – без друга, и оба – без работы.
- Хорошее начало!
- Уж какое есть. Лично я его ни на что не променяю!
- До чего же приятно это слышать! Слушай, а у тебя дома есть какие-нибудь продукты? Я, наверное, должна приготовить что-нибудь на ужин?
- Какие-то есть. Но, вообще-то, я и сам могу приготовить.
- Нет, давай я! Евгению нравится моя стряпня. И мне хочется о тебе позаботиться.
- Представь, мне о тебе тоже.
- Кажется, у нас намечается первая ссора, – улыбнулась Ольга.
- Скандал! – согласился я.
- Ольга потянулась к моему уху и укусила. Потом положила голову мне на плечо и спросила:
- Так кто готовит?
- Ты, – не колеблясь, ответил я.
- Спасибо! – совершенно серьезно сказала она, что меня расстрогало. Как я мог жить без нее раньше?
- Не за что!
- Есть за что. Ради меня ты готов пожертвовать всем, даже не зная, получится ли у нас что-то.
- Люблю риск. Да и все у нас получится.
- И я так думаю! И сделаю все, чтоб тебя не разочаровать.
- Мне тоже придется постараться. Вообще-то, я не подарок.
- Догадываюсь. Но я еще больший не подарок.

– Мне уже страшно! Если б пассажирам полагались парашюты, уже выпрыгнул бы из самолета.

– Так легко тебе от меня не отделаться! Я бы выпрыгнула вслед за тобой, – рассмеялась Ольга.

– Было бы здорово! Жаль, что парашюты здесь не предусмотрены. Ты когда-нибудь прыгала хотя бы с вышки?

– Нет.

– И я нет. Видишь, как много у нас общего?

– Действительно много. Еще мы не пели на сцене Большого театра. И не летали в космос.

– Насчет космоса я бы не был так уверен. Чем ты докажешь, что не инопланетянка? Что ни говори, земные девушки выглядят иначе.

– Какие тебе нужны доказательства? Очевидно, анатомические? – лукаво поинтересовалась Ольга. – Мне прямо сейчас раздеться?

Я впервые (впервые!) представил себе ее обнаженной, а затем и то, что нам предстояло сегодняшней ночью. На лице моем вспыхнуло нечто вроде зарева, и Ольга не удержалась, прыснула.

– Как же все-таки Евгения ошибалась! Тебе до хладнокровного авантюриста как до неба!

– Если не захочешь, можешь вообще не раздеваться.

Хотелось сказать это решительно, с некоторым даже превосходством, по получись почему-то с оттенком обиды. Ольга опять прыснула, потом – как это ей удастся? – сказала очень серьезно и нежно:

– Я захочу. Уже хотя бы для того, чтобы еще раз увидеть тебя таким милым.

– Вообще-то, быть милым мне несвойственно, – признался я.

– Ты просто недостаточно хорошо себя знаешь, – отмахнулась Ольга и вновь склонила голову мне на плечо.

А спустя минуту уснула. Было бы разумным последовать примеру, но, увы, сон не шел. Остаток ночи принадлежал нам с Ольгой, но уже днем я должен был встретиться с Вадимом. Разговор предстоял серьезный, мужской. И не имело значения, чем он окончится, продолжать работу в фирме мне вряд ли удастся. Как бы легкомысленно ни относился я к жизни, близких друзей

не подводил никогда. Конечно, это довольно спорный вопрос, подвел ли я Вадима на самом деле, но отношения наши прежними уже не будут. А я так не могу. Итог закономерен: всего один день в Лиссабоне – и ты теряешь все, что имел. Правда, взамен приобретаешь нечто большее, как бы пафосно это ни звучало.

– Могу я вам что-нибудь предложить? – бортпроводница подкатила к нашему ряду тележку с напитками и пластиковыми контейнерами с едой.

Есть вообще-то хотелось, но стоило ли тревожить спящую Ольгу?

– Кота в мешке, если можно, – шутливо попросил я.

Стюардесса – где они берут таких остроумных?! – скосив глаза на Ольгу, таким же шутливым тоном ответила, что кот в мешке у меня уже есть, а она может предложить только стандартный сухой паек с соком или чаем.

– Может быть, в следующий раз, – вежливо отказался я.

– Надеюсь, что это будет рейс *нашей* авиакомпании, – улыбувшись, стюардесса покатила тележку дальше.

Незаметно достав из кармана смартфон, я включил его и взглянул на цифры, показывающие точное время.

До приземления оставалось чуть более двух часов.

